

young adult

ДЕЛО ВО МНЕ

мария рыкова

на грани саморазрушения

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Мария Рыкова

Дело во мне

«Автор»

2020

Рыкова М.

Дело во мне / М. Рыкова — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-93170-1

Я — Мария Рыкова, и это мой дебютный роман-взросление. Я за интегральный подход к творчеству и познанию себя. Так, мой опыт в профессиональном спорте, живописи, музыке стал фундаментом для новой философской мысли. Я поддерживаю здоровый эгоизм Айн Ренд, теорию антихрупкости Нассима Талеба и метод квантового воина Джона Кехо. Моя главная задача — создать новый тип мышления, который не только будет приносить удовольствие мыслящему, но и поспособствует сверхразвитию человеческого сознания. Это история взросления юного художника, который борется с тягой к саморазрушению и бегству от реальности. Он был на краю пропасти, на дне которой — безумие. Полное отсутствие контроля над мыслями, замкнутость, отчужденность и обесценивание собственного таланта — это его мир. И в один день этот мир рухнул. Главный герой оказался перед выбором — либо сгореть дотла и возродиться из пепла, либо погрязнуть в болоте токсичных мыслей и потерять все самое дорогое. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-93170-1

© Рыкова М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

1		5
	Вставай!	9
	Ты не понимаешь?	12
	Мой ангел	16
	Протест	24
	На крыше	32
	Познакомимся?	35
	Утром	37
	Пошли домой	40
	Странная женщина	44
	Винтаж, хвоя, дневник	48
	Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мария Рыкова

Дело во мне

Думаю, что у всех нас есть основание считать, что современная эра закончилась. Многие указывает нам на то, что мы находимся в переходной фазе, в ходе которой что-то совершенно точно исчезнет, а что-то другое родится в муках. Как будто бы что-то рушится, разлагается и изнуряет само себя, в то время как нечто другое, еще не ясное, поднимается в руинах.

Вацлав Гавел

1

Робби небрежно шаркал по сопливому тротуару. На темно-синем воротнике его прошлогоднего пальто искрились капельки дождя. Черные пряди со лба спадали на светло-голубую повязку, поблескивая от касания солнца. Забравшись между домов, как будто прячась от восходящего солнца, по всему городу расстелился туман. Машины, мигая красными глазами, напряженно ерзали по улицам в надежде вырваться из узких переулков и мостовых на просторы стремительного шоссе. На дороге, где нет недоверчивых камер, нет ограничений, где много риска и вместе с ним свободы – на серую ленту, брошенную чей-то умелой рукой среди полей, вдоль лесов, туда, вперед, на север, дальше, где можно позабыть свое имя и день рождения – туда, где люди другие, где масок нет, где жизнь настоящая...

Он переглядывался с серым асфальтом, стараясь идти в такт песне, бьющей по ушам. Терпкие голоса, дерзкие истории... Как легко почувствовать себя крутым, веря, что текст песни о тебе. Что ты тот самый четкий пацан, который в скором будущем станет богатым и будет всем рассказывать о жизни на самом дне в провокационных рифмах и интервью. Немного высокомерно, с ноткой безразличия – эта картинка крутится в голове до первого школьного звонка и замечания дежурного, который тыкает тебя носом в часы и бесцеремонно дергает дневник из твоих маленьких рук. Сладкая мечта как леденец разбивается о грязный кафель, по которому пройдут еще тысячи таких же неудачников, как ты.

Но это до первой перемены, где ты мог снова погрузиться в иной мир, где тебе не надо делать домашку и придумывать грехи для собственной исповеди, ради которой твоя мама встает в шесть утра, чтобы... да одному богу известно, зачем ей это.

Взрослых это раздражало. Раздражали угрюмые лица долговязых подростков, которые не желают беспрекословно подчиняться, как раньше. «Вечно в своих наушниках и телефонах. Совсем с ума посходили». Но что ты можешь поделать, если там, в твоём мире, тебе нравится больше? Что делать, когда ты не хочешь идти домой? А ведь пока что это единственное место во вселенной, где тебе действительно должны быть рады. По крайней мере, так было задумано природой человеческой.

Везде и всюду сыпались новости об образовательных форумах, книгах с историями успеха и новых методиках трансформации личности. Короче, радужный понос из кучи информации с вкрапленными в нее милыми нереалистичными картинками будущего для таких, как он. Робби воротило от этой наигранной пафосной игры в правильных и идеальных. Блогеры со своим сбалансированным питанием и шаблонным стилем жизни, молодые мамочки с блаженными младенцами, которые впились в их вислую грудь в каком-нибудь фэшн-кафе, тренеры личностного роста без гроша в кармане, бизнесмены, выпускающие бездарные музыкальные альбомы, спикеры, ораторы, продающие курсы... он терпеть их не мог, потому что всех объединяло одно – кастрированное чувство собственной идентичности.

Робби совершенно не беспокоило, как много людей вокруг него давно забыло о том, каково это – быть счастливым. Чувствовать свое тело, идти бодро и стремительно туда, где ты готов посвятить свою жизнь некому делу, радость от которого превращает мелочи в виде сонных пешеходов и невкусного латте в незначительные помехи, развлекательные повторяющийся ритуал. Он махал им рукой и уходил в свой мир.

Робби не любил школу, но и скучно ему не было. Он не разделял нытья своих одноклассников насчет школьных уроков. Учеба давалась ему легко, хотя он прекрасно знал, что, будь в нем немного больше усердия, он легко мог бы стать отличником. То же самое говорили взрослые, которые сами не могли похвастаться выдающимися успехами, но зато страстно любили учить жизни чужих детей, которые всегда казались им красивее и умнее своих.

Каждый день он вставал по будильнику, и перспектива «тебе не нужно решать, кто ты и чем сегодня займешься. Все уже решили» успокаивала его. Она была как высокая стена, на которой висели фотографии кумиров. Он смотрел на нее и верил, что однажды и он будет в их числе. Эта стена оберегала его от черной пучины, в которую рано или поздно приходилось падать каждому, чтобы решить, что делать с отведенным временем. Робби эту бездну обходил стороной и каждый раз, чувствуя холод неизбежности погружения, уверял себя, что жизнь гораздо проще, чем кажется, и что на самом деле все это не по-настоящему, что все решится само, и это так прекрасно. Тот максимум, который он решал, – какой пиджак он наденет сегодня и какие носки лучше подойдут к его настроению. Этот промежуток он и считал жизнью.

Его маленькое существование приютил старый город, чье имя где только ни таскалось. В плохих песнях, жалких стихах о любви, в мыслях о спасении. Это имя некоего героя – стройного, сдержанного, вселяющего уважение. Этот герой знает цену хорошим манерам, он гостеприимен, всегда предложит вкусную сигаретку; пускай он немного ленив, но зато изыщен в поступках и уважает честность. И вот он попадает в воздыхающую толпу зевак, которые, однажды коснувшись произведения искусства, решили называть себя носителями истины. Кто-то даже осмеливается на «ценитель искусства, любитель театров и достойных пьес». Во вздохах одинаково влюбленных в это имя, в их вульгарных заявлениях, что «он, наш герой, он создан для нас!», для успокоения их суетливых душ, выдавались низость их происхождения и слабый ум, не наполненный красками и живостью.

Город, чьи тротуары впитали в себя и грязь предательства, и кровь истории, и слезы счастья, уставший от настырных глаз, ждущих незаслуженных зрелищ, обеспокоенный своим видом и возрастом, но сохранивший свою суть для тех, кто знает цену человеческой воли, город из камня, возросший над рекой, – Питер на закате 2020-го.

* * *

– Здравова, шизик.

– Привет, Тём.

– Что это с тобой? Выглядишь ужасно.

– Не знаю. Устал, наверное. Еще днюха эта.

– Ну да. И?

– Да который год все одно и то же. Родители, сестра, свечи на торте, очередной молитвослов от матери. Отец через раз вспоминает. Только Алиса знает, чего я хочу, и каждый год дарит мне блок сигарет и пергаменные листы. Понятия не имею, откуда она это берет.

Тема хохотнул.

– Ты реально идиот или притворяешься? Я спрашиваю это почти каждый день и не теряю надежду, что ты наконец признаешься, – сказал Тема, не меняя голоса.

– Серьезно? – спросил Робби. – Ты ей продавал?

– Ну за полцены, конечно. Родители привозят много всякой херни из-за границы. Они, по-моему, даже не знают сколько. Я иногда конфискую.

– Понятно. То есть в этом году...

– Нет, в этом году мы постарались и выбрали тебе подарок покруче.

– Хочется напиться, – сказал Робби, вяло переступая порог кабинета. – Настолько сильно, что готов начать сейчас. А мать не пускает меня гулять после восьми, а мне уже 17. Знаешь, мне даже кажется, что я готов из дома уйти. Лишь бы не видеть все это.

Тема смотрел на него с лицом дипломата. Никаких эмоций.

– Мы оба знаем, что ты никогда на это не решишься, пока ситуация не станет катастрофической, – сказал Тема и зевнул.

На первый взгляд, Робби и Тема слишком разные, чтобы быть друзьями. Робби, зажатый в железных рукавицах матери, – художник. И Тема – математический гений, который ненавидит учебу, но каждый год получает похвальный лист и, кажется, идет на золотую медаль. Они никогда не ссорились. Что тоже было довольно странно. Робби мог сгладить любую неровность, найти подход к самому сложному характеру. Тема никогда не шел на компромиссы.

Тема слушал друга, параллельно обдумывая что-то. Он сделал шаг к Робби и взял его за плечи. Тот невольно сжался, ссутулил плечи, подозрительно шурясь, – он так всегда делал, как зверушка.

– Ты хочешь настоящую тусовку?

– Ну да...

– Значит, будет. Ты домашку сделал?

– Ну да...

– А я забыл. Ладно, еще 15 минут до звонка, успею.

– Я вчера целый час решал одну задачу.

– В паре всегда кто-то один умнее.

– Да, конечно. А второй кто-то красивее.

Тема засмеялся:

– Шутить ты так и не научился. Ладно. Придумаем что-нибудь с этой твоей потребностью. У меня, кстати, родители улетели в Кению. Поэтому отмечать можем у меня.

– Ну это в их стиле.

– Да. Но они приедут послезавтра днем. Если мы не будем сильно бедокурить, то, в принципе, может получиться. Кого звать?

– Надо найти тех, кто одновременно в меру веселый и очень разумный.

– С такими запросами ты сам не попадешь на свою собственную вечеринку.

– Это еще почему?

– Да потому что, – сказал Тема, поправив волосы, – ты не умеешь пить. Из этого следует, что ты не очень разумен.

– Слушай, один раз было, чтобы я терял контроль.

– Ага, один раз из двух. Нет. За тобой придется следить, однозначно. Ты почти не пьешь. А природа тебя крепостью не одарила. Короче, предлагаю так. За сегодня нужно определиться, кого звать. Напиши кому надо. Нужна веселая компания.

– Идет. Только без конченных.

– Само собой.

– А еще мне нужно определиться, что я скажу матери. И на всякий придумать план отхода.

– Зная ее, лучше наперед думай, что будешь делать, если не отпустит.

Робби покачал головой, подняв густые брови.

– Черт его знает. Попробую сбежать.

Тема приоткрыл один глаз, что говорило о довольно сильном удивлении. Он помолчал, помолчал, а потом выдал:

– Боюсь, даже у Энди Дюфрейна ничего бы не получилось.

– Спасибо, что веришь в меня, Тем.

– Ладно-ладно. Ну ты попробуй поговорить с отцом. Может, он поможет.

– У него депрессия. Он, по-моему, уже на свое имя не отзывается. А мать вообще его мнение ни во что не ставит.

– Ты же еврей.

– И что, блин? Что вообще это значит?

– Это значит, что ты всегда выкручиваешься из самых сложных ситуаций, дурачок. Но главное – не забывай о цели: твоя задача – любым способом быть на своей днюхе, которую я тебе устрою.

– Понял я. Но не все от меня зависит.

– Могу поспорить, доказать обратное и поставить тебя на место, но ты же еврей.

– Да пошел ты.

Вставай!

Завтрак прошел молча, как и всегда. Мать во главе стола, отец напротив, Алиса еще в кровати. Ей прощалось многое, в то время как Робби не мог даже спокойно покурить на лестнице – он считал это верхом несправедливости. Но Алису Робби любил безмерно.

За людей разговаривала посуда – позвякивали ложки, хмуро переглядывались фарфоровые чашки, масло безвольно расплывалось в масленке, поддаваясь ножу. Робби думал об этом, чтобы как-то отвлечься от набегающей сонливости, параллельно смеясь над мыслью, что он уже давно спятил вместе со своими разговаривающими ложками.

Но иногда он замечал, как между этими мыслями проскакивал чей-то шепот. Постепенно он превращался в монолог, а потом принимал форму взысканий и криков. И вот опять:

«Думаешь, ты особенный? Из-за того, что у тебя есть странности, думаешь, ты особенный? Ты пустое место...» Робби посмотрел на мать – она уже заканчивала завтрак; отец пил кофе, глядя куда-то в пустоту. «Еще один день. Пустой и никчемный. Вся твоя жизнь будет такой. Нет в ней ничего интересного. Давай, удиви меня». Робби сделал глоток чего-то горячего, стараясь не слышать, как вдруг что-то внутри него вскрикнуло:

«ВСТАВАЙ!»

Робби резко подскочил из-за стола, разлив чай. Через секунду на пол грохнулся стул. Родители удивленно уставились на него. Какое-то время все молчали.

– Э... я пойду, – почесывая лоб дрожащими руками, сказал Робби. – Я опаздываю. Мне надо в школу.

– Так папа вас отвезет на машине. Вместе с Алисой. Сиди. – Мать строго рассматривала его.

– Нет, нет. Мне надо... я опаздываю, – пробормотал Робби.

...

Он никуда не опаздывал. Просто хотел пройтись до школы пешком. Ноябрь выдался дождливым и теплым. На улицах людей было немного, так что можно было спокойно идти и тихонько напевать любимую песню. Робби шел быстро, пытаясь успокоиться. «Со мной все нормально, нормально... я не спятил. Это просто утренний глюк. Ну надо было так влипнуть перед самой днюхой... Они по-любому заподозрят что-нибудь и не отпустят гулять. Вот блин. Что еще за голоса?». Робби поднял глаза к небу, желая отвлечься. «Небо, птички, дома какие красивые... люди идут на работу, а я... а ты с ума сошел, да-да. Чего ты боишься? Все вокруг давно спятили. Люди идиоты, все без исключения. Это они виноваты во всем. Ты посмотри на ту девочку. Страшила. Нос у нее какой-то странный. Одежда дешевая. Хотела бы, давно заработала денег и купила нормальную одежду. Проблемы? Да какие могут быть проблемы, если все бессмысленно? Все равно умрем в конце».

Робби остановился и прислушался. В его голове пробудилось целое семейство, где каждый говорил о своем. Он пытался разобрать обрывки фраз, мечущихся в голове.

«Нет, нет, так не может быть. Если мы родились, значит, так нужно. Значит, мы еще не выполнили свою миссию, или как там говорится? Мы должны исполнить свой долг перед жизнью. Она ведь так любит нас...»

«Кого она любит? Нас? Ты угораешь? Вселенной на нас плевать. Она серая и холодная. Нам всем просто повезло. Наши жизни – результат везения и случайности. Что, ты думаешь, будто кто-то там наверху любит нас? Оберегает нас? Глупая! Никто нас не любит. Нет никакого творца. Совсем, что ли, спятила? Покажи его мне? Докажи, что он есть? Не можешь? Значит, закрой свой рот и сиди молча».

«Господи, господи... мы, мы такие маленькие, такие ничтожные. Что если сейчас упадет метеорит? А если, а если война? А если эпидемия? Сейчас же везде одни болезни... Что делать, что? Я не справлюсь один. Мне нужна помощь, нужна... мир такой огромный. А я не умею зарабатывать деньги, я боюсь людей. Я, я задыхаюсь... я боюсь»

До школы оставалось несколько метров. А он все еще слышал этот спор внутри собственной головы, который он даже не контролировал. Робби был уже на территории школы, когда его окликнул охранник.

– Эй, парень. Ты чего? – спросил он охрипшим голосом.

Тот поднял на него пустые глаза и, усмехнувшись, сказал:

– Извините, – сказал Робби, слегка наклонившись вперед, и продолжил подниматься.

Охранник лишь недоверчиво покачал головой и закурил.

* * *

Первым уроком стояла живопись. Робби зашел в класс, не поднимая головы. Но никто и без этого никогда не обращал на него внимания. Робби не принадлежал к числу тех, кого без конца обсуждали девочки или уважали старшеклассники. Он был, скорее, поводом для колких шуточек и приколов. И никто не слушал его замысловатые речи о вселенском балансе и красоте, потому что истории одноклассников про блюющего чувака на чьей-то старой хате, передоз девчонки во время секса и разбитое стекло отцовского «мерина» – тут есть что обсудить, а кого волнует красота? Да хрен с ней, слишком сложно.

– Где тебя носило, ты ведь никогда не опаздываешь? – спросил Тема.

– Я шел пешком.

– Чего? В такой дождь?

Робби посмотрел сначала на Тему, потом на ливень за окном, снова на Тему.

– А. Ну ясно.

– Хороший ответ. Какие новости на западном фронте?

– Без перемен, если не учитывать, что я потихоньку съезжаю с катушек. По ходу, это из-за...

– Орфеев. – Робби резво отозвался, машинально улыбнувшись немолодой учительнице, которая явно злоупотребляла розовой помадой и ядовито-голубыми тенями. «Жуткое сочетание. И никто ей не скажет...»

– Екатерина Альбертовна, я тут.

– Я вижу. Опоздал, так еще и болтаешь. Бери мольберт и усаживайся. – Екатерина Альбертовна тяжело вздохнула. – Вас тут никто не держит, хотите уйти, пожалуйста – дверь открыта.

– Да-да, извините. – Робби кротко улыбнулся. У него всегда это получалось. Когда это делал Тема, хотелось отвернуться.

– Ага, конечно, – сказал Робби Теме, – я бы с радостью ушел. Но потом начнется. – Помолчав немного, он с усмешкой добавил: – Мысли такие в голову лезут. Так всегда бывает, когда чего-то очень ждешь. Начинаешь бояться, что что-то пойдет не так.

– Э, погоди. Сначала мы отпразднуем, а уже потом будем вместе генерить мысли о тщетности нашего прогнившего бытия. Я что, зря старался? Ты кого-нибудь нашел? Роб? Алло, ты тут?

– Да, да... Я нашел. Скинул вк список. Слушай, а если я сойду с ума, я ведь не смогу ходить в нормальную школу, да?

– Да. И мне эта идея не нравится. Кто еще будет задавать мне такие тупые вопросы? Очнись. – Тема говорил однотонно, так, словно он знал одну эмоцию, но по неведомым при-

чинам забыл, как ей пользоваться. – Потом расскажешь. Ну а вообще, – если тебе интересно мое мнение, – это все твоя сумасшедшая семейка. Тебе пора сваливать от них.

Робби с каменным лицом слушал Тему, залипнув на мусорное ведро. Все его мысли были о большой перемене, и они приятно грели ему сердце. Он наконец-то покурит.

Ты не понимаешь?

Каждую секунду миллиарды человеческих жизней касаются друг друга на бесконечной прямой безграничной материи. Непрерывное взаимодействие живых тел и душ, заставляющее реальность видоизменяться, подстраиваться, где-то бунтовать. Короче, жизнь была и оставалась жизнью, и все как всегда.

Робби шел домой неохотно, в абсолютном отсутствии. Сегодняшний вечер обещал быть предсказуемым, а завтра у него день рождения. Это отвлекало его мысли от утреннего инцидента. Он, как всегда, смотрел себе под ноги, нахмутив лоб. Ему сильнее прежнего хотелось выпить завтра. Но прежде надо было придумать причину, по которой он не будет ночевать дома завтра ночью.

Он, конечно, мог наврать, что пошел к бабушке, но мать, скорее всего, позвонит ей и все узнает. Надо было придумать что-то похитрее.

Улицы, серый цвет, много окон, туманное небо, блеклое солнце, запах сырости, звуки шагов, серьезные лица, вонь метро, старинные здания с пластиковыми дверьми, кричащие безвкусные вывески, перекошенный тротуар – так выглядела его дорога домой по Василеостровскому району. Ветер всегда дул откуда-то из глубины улицы. Частые перекрестки, сверкающие линии рельс, паутина из проводов с сотнями пересечений, которые рубили небо на множество осколков. Иногда на пути возникал бродяга, покинутый миром, разозливший жизнь своей жалостью, со стертым лицом, пустыми глазами и покрасневшими от холода руками, которому не хочется помогать.

Питерские улицы для Робби – это запахи. Он помнил, как пахнет Невский, легко угадал бы Английский проспект или Ростральные колонны; особенно ему нравился запах мостов. Он любил приходить вечером на Исаакиевский мост, вставал на середину и, опираясь руками о перила, слушал ветер, пробовал его на вкус, ловил настроение, любые перемены. Робби нравилось думать, что он похож на этого вечного странника, неуловимого и бесконечного. Для него ветер был самым ярким проявлением жизни; чувствуя его в волосах, на щеке, в рукавах и воротнике пальто – он вспоминал о себе. Вспоминал, что жив, что умеет думать, слышать, касаться, чувствовать тепло. Все уходило прочь, любые сомнения в смысле. «Ветер жив, значит, и я с ним. Ведь он откуда-то взялся, для чего-то он нужен? Значит, и я тут не лишний». Он часто размышлял о том первом мгновении, когда лицо планеты впервые почувствовало на себе его дразнящие прикосновения. Момент рождение ветра, огня, первой песчинки – как это было? Он рисовал в голове будоражащие воображение образы, в которых было все – и восхищение, и ужас, и смех, и нежность. Ему нравилось примирять контрасты цветов и форм, создавать им условия, а потом снова погружать их в конфликт, начиная войну за правду, за право существовать. Буря эмоций сменялась гладкой и пустынной пустотой. Робби убегал в эти бесконечные долины, где не было людей, которые мешали ему спокойно гулять по садам воспоминаний и вдоль металлических путей логики.

Люди, думал он, как много людей не способны даже близко представить такое. Они не способны вообразить, что ветер может вдохновить на подвиг или геройство. Они рубят плеча, не пытаясь даже разобраться, послушать, приглядеться. «Гения видно сразу!» – кричат они. Робби не слушал. Точнее, делал вид. Втайне он, скорее всего, боялся, что это правда. «Вдруг я просто сошел с ума, и все эти образы рождены большой фантазией, покалеченной в раннем детстве? Что если в один день я не вернусь из этого мира? Нет, нет, нет». Робби отмахивался и старался эти ужасы запрятать в дальний угол, куда не добивает свет. Он любил свои долины и мечтал однажды увидеть их в жизни. Мечтал о том, как будет собирать чемодан, старательно выбирая вещи и книги; как поедет в аэропорт, сядет в самолет и закроет глаза. «Я еду на поиски

долины, которой нет. Я как ветер, который никогда не останавливается, который везде и нигде, принадлежащий только себе, неуловимый вечный странник».

Робби не заметил, как оказался на перекрестке десятой линии. Он свернул направо и медленно подошел к парадной. Разумеется, он забыл придумать достойную причину. «Ладно, у меня есть еще три этажа» Пока он поднимался, его сердце все сильнее и сильнее било по легким. Он пытался сосредоточиться, но, как оказалось, это единственное, о чем он мог думать. «Надо подумать, надо придумать причину. Сосредоточься. Подумай. Думай, думай...» Он стоял, растерянный и запыхавшийся, перед дверью, думая о том, что так ничего и не придумал. Робби знал, что в квартире слышно, что происходит на лестничной площадке. И мать, скорее всего, слышала его шаги. «А вдруг она стоит сейчас и смотрит в глазок? Видит мое лицо и уже знает, что я задумал сделать что-то преступное, неправильное, грешное». У него побежали мурашки. Он не мог оторвать взгляда от глазка. «Почему я так боюсь? Это ведь мама... я не должен ее бояться. Но вдруг она все-таки смотрит? Мне всегда страшно, когда она молча смотрит на меня. Боюсь, что в один момент она резко кинется на меня, закричит с ужасным лицом и...» Он вздрогнул от оглушительного звука, заполнившего весь этаж. Он не заметил, как достал ключи. Найдя нужный, он потянулся к замку и, прежде чем вставить ключ в замок, замер, пытаясь остановить дрожь в руке. «Она услышит царапанье ключа, решит, что я пьяный или натворил чего». Робби выдохнул и напряг руку. «Но и слишком навязчивым движение быть не должно. Она заподозрит...» Рука потянулась к замку. Он вспомнил Мандельштама:

*я на лестнице черной живу,
и в висок ударяет мне вырванный с мясом звонок...*

Визг и скрежет старого замка резал слух в бездушной тишине каменных стен:

*и всю ночь напролет жду гостей дорогих,
шевелия кандалами цепочек дверных.*

Робби открыл дверь и с облегчением выдохнул – никого не было. Только блик уходящего солнца на затертом линолеуме. Тиканье часов, закрытые двери комнат. Робби разулся и на цыпочках поплелся к себе в комнату. Планировка в квартире была такой, что в центре находилась прихожая, вокруг которой на 180 градусов располагались комнаты. Зал – в середине, прямо напротив входной двери, и две спальни справа и слева от него. Коридор на кухню был слева от прихожей и прятал в себе еще две двери – в ванную и гостевую. Все двери были застекленные, но стекло было мутным. Робби это казалось нелепым, а иногда и вовсе жутковатым. Словом, квартира напоминала собой огромный муравейник, который в один день покинуло все семейство, бросив умирающую королеву с парой прислуг. Робби видел это так. Он рысью проник в свою комнату и быстро закрыл дверь на замок. Бросив рюкзак на кровать, он повалился на пол, закрыл глаза и на несколько минут отключился от всего происходящего вокруг.

Закрывая дверь, закрытые шторы, закрытые глаза – поглотившая его темнота казалась самым уютным местом на земле. Робби чувствовал, как все его тело медленно растекается по полу и расслабляется. Он умел ни о чем не думать – просто слушал свое дыхание или считал удары сердца и мог так лежать часами; пару раз даже заснул. Но потом, замерзнув, открывал глаза и смотрел на потолок, усеянный звездами. Они были разных размеров и форм, но не образовывали созвездия. Это был всего лишь рисунок, напечатанный на принтере, и фосфор, создающий иллюзию вечного света. Эти обои остались еще с тех пор, когда Робби был ребенком. Он надеялся, что однажды увидит какое-нибудь созвездие. Это был единственный случай, когда он надеялся на ошибку автора, надеялся на чудо. Надеялся тайно от самого себя, словно ошибка, допущенная взрослым, может означать, что мир может быть другим, не таким,

каким он видел вокруг; если он ошибается, значит, есть смысл в том, чтобы искать новые пути и решения и...

Робби открыл глаза. Ему показалось, что кто-то ходит перед его дверью. Он невольно напрягся и тихо сел, обхватив руками колени. Робби замер в ожидании, глядя на дверную ручку. Она не двигалась. «Сколько можно бояться? Встань и проверь... Нет, ведь это просто бред, кто там может ходить? Мама? Она не сумасшедшая». В дальней комнате скрипнула половица. Робби вскочил на ноги и от неожиданности ругнулся. Потом с гневом посмотрел на дверь. «Сейчас я пойду и открою ее. Там никого нет». Все внутри закипело, он почувствовал, как руки его потяжелели, готовые к защите непонятно от кого. Он злился на свой нелепый страх, на эту пугливость и нерешительность. «Как девчонка, иди и открой дверь». Но Робби стоял. Внутри него шла битва, цель которой была скрыта. «Стою тут, как дурак, а там никого нет. Иди, просто иди. Ты, как тряпка, стоишь тут и боишься встретиться с опасностью лицом к лицу». Робби не знал, сколько прошло времени, перед тем как он сделал первый шаг и едва устоял на месте. Ощувив набегающие слезы и громаду тяжелого стыда, он сделал еще шаг и еще. Назад пути не было; он взялся за ручку, повернул ее. Скрипнув, дверь поддалась. В коридоре было пусто. Робби боялся стоять так долго, но на мгновение ему показалось, что кто-то все равно видит его борьбу и слабость. Он боялся, что сейчас, за его спиной, стоит тот, кто минуту назад сковал его в цепи, громыхание которых сейчас мешало ему сделать шаг вперед. Вдруг все замолчало, и он увидел силуэт матери, подходящий к двери напротив него. В следующее мгновение видел только ее бледное лицо и худые плечи.

– Роберт.

– Привет, мам. – Он медленно подошел к ней и поцеловал в щеку.

– Давно ты дома? Я не слышала, как ты зашел.

– Я... – Он посмотрел на часы. Он пришел домой час назад. – Недавно. Минут 30.

Она кивнула. На ней была роскошная белая шаль, похожая на огромное облако пушистого хлопка. Касаться его не хотелось.

– Пойдем, обед готов. Твой отец придет поздно, не будем ждать его. – Мать направилась на кухню. – Как дела в школе? – Голос ее был слабым и безрадостным, а походка – бесшумной и грациозной, пожалуй, даже слишком для такого темного жилища.

«Надо поговорить с ней сейчас. Да, прямо сейчас». Минут пять он сидел, уставившись в тарелку с супом и пытаясь собраться с мыслями. Мать сидела напротив, не поднимая глаз, погруженная в свои мысли. Робби иногда поглядывал на ее сухие руки, оплетенные сетью вен, как хмелем. Аккуратные длинные пальцы, которым суждено играть, подумал он. А ее отправили на медицинский.

– Мам, у меня завтра день рождения.

– Я знаю, сынок. Это ведь я тебя родила.

«Так и норовят каждый раз напомнить об этом», – подумал Робби.

– Да, ну вот. Я хотел бы отметить с друзьями. Утром, конечно, с вами. А вечером... вот. – Робби говорил так, будто пробирался по минному полю. – Можно я пойду к Теме?

Мать медленно, словно натягивая тетиву, положила ложку в тарелку и подняла глаза на сына. Желтый свет падал на ее худое лицо, обнаруживая все морщинки.

– И когда ты вернешься?

– Я, скорее всего, останусь у него. Точнее, я хочу остаться... Только я. Никого больше не будет.

– Не будет? Совсем?

– Ну... нет, ребята из школы придут, но всего на несколько часов. Он гостей не очень любит.

– И поэтому устраивает притон в доме своих родителей... конечно, чего еще ожидать от вашего поколения... – Робби потупился. – И девочки будут?

Он не двигался.

– Да. Но я же говорю, они все уй...

Она сложила руки в замок.

– Ты не усвоил ничего из того, чему я учила тебя, Роберт. Ты не понимаешь? Эта праздность развращает душу, склоняет к порокам... дьявол действует на вас... нет, Роберт. Тебе надо думать об учебе. А этот твой Тема плохо на тебя влияет. Ты совсем учиться перестал. А эти ваши дни рождения только душу развращают. Нет, однозначно нет. Я не разрешаю.

– Но, мам, мы ничего не натворим. Все будет хорошо.

Мать не отвечала. Подняв брови, она продолжала есть суп.

– Он мой лучший друг! – воскликнул Робби.

Она бросила ложку и подняла на него свои холодные, безжизненные глаза и слегка сжала и без того узкие губы.

– Нет, я не разрешаю.

Перед ним сидела *его* строгая мать, которой он не мог противостоять. «Все детство рядом с тобой. Не понимаю, как я еще не сбежал». Робби осел и снова устался в тарелку, не желая показывать своих эмоций. К горлу подступил омерзительный комок обиды. Этот день должен был стать его отдушиной за весь месяц. Ему некуда было деться, некуда сбежать. Он чувствовал себя замурованным. И хотелось кричать, нарушить эту гребаную тишину, пожирающую из него радость.

«В этом доме нельзя кричать». Эту заповедь он ненавидел. Так же сильно, как и мать сейчас. Он знал, что уговоры бесполезны. «Лучше промолчать, а то вообще никуда больше не пустит. А она ведь думает, что это я из уважения к ней или того смешней – потому что согласен. Проглотить, вдох-выдох, пошел дальше». Но эти царапины, маленькие ноющие ранки, пусть и не ныли по ночам, но было очевидно – рано или поздно одна из них станет последней, и сердце взбунтует и разорвется. Все будет уничтожено, в том числе и тишина. «Зачем она это делает?» Слепая ненависть залила собой все пространство, не оставив ничего. Отобедав, он пошел делать уроки. Ненависть переросла в апатию, которая, свернувшись клубочком, теперь ожидала удачного момента.

– Да, и еще, – произнесла мать из коридора, проходя мимо. – Завтра ты идешь к бабушке, после школы, ты помнишь?

– Мам, но ведь завтра...

– Роберт, ты меня слышишь?! – Она явно не хотела повышать голос. – Мы уже все обсудили. Или тебе твое веселье важнее семьи? Я не таким тебя воспитывала.

Мой ангел

Он пытался сосредоточиться на чтении, но тщетно. Его трепало и колотило, как маленького невротика. «Нет, я не разрешаю». Робби видел перед собой эти ее глаза, жидкие зализанные волосы и безупречное лицо ангела, которого хотелось расстрелять. Почему? Он ответить не мог. Каждый раз, когда она выдавала что-нибудь такое, Робби пытался понять, зачем она ходит в церковь. Какая любовь Бога, если она не любила ни себя, ни отца, ни его? Казалось, одной только Алисе повезло. Его всегда это смешило и злило. Вот они ходят, такие невинные и набожные, осуждающе смотрят на остальных, на тех, кто живет по-другому. Мать всегда презрительно фыркала, когда видела, как любимый учитель Робби по рисунку выходил из школы и беззаботно покуривал. «Он курит, но он в сто раз лучше тебя и детей любит». При ней он учителю не улыбался – просто опускал глаза или отворачивался, потому что он был слишком ему рад.

Нет, я не разрешаю.

«Я должен повиноваться, но почему? – думал он. – С какой стати родители считают, что мы их слуги? Иди посуду помой, дома уберись, еще приготовь и снова убери, да, и будь добр, сделай мне массаж, а еще пригляди за моей матерью. В смысле ты не должен?! Я тебя родил, значит, я решаю, что тебе делать и куда ходить!»

Робби будоражило каждый раз, когда он это слышал. Сейчас стало лучше, он приспособился; раньше его уборкой наказывали. Пару раз он отхватил от матери за бардак на столе, но тут Робби спас отец – наверное, единственный раз в жизни он вмешался в воспитание. Он заявил, что сын имеет право на свое пространство, и приделал в его дверь замок. С тех пор Робби почти никогда не разбирал свой стол.

«Они все ненавидят нас. Подростки, подростки... Орут без конца, а нам что? Любить их за это? Нет, правда, я что, настолько мерзкий ребенок? Или на мне проклятие? Где твоя божья любовь?»

В такие моменты он ненавидел Бога и напрямую заявлял ему об этом. Он обвинял его в том, что тот сам виноват, что люди такие, ведь это он создал боль, и страдания, и зависть, и гнев.

«Быть может, люди – это генетическая ошибка, которая оказалась на удивление живучей и приспособилась к изменчивой среде? А потом она обрела сознание. И все, начался апокалипсис».

«За что она так не любит меня? Все время носится вокруг, все контролирует, у меня уже нервный тик. Я постоянно жду, что она закричит, или сделает это свое каменное лицо, или того хуже, разревется. Фу, смотреть противно».

Эти мысли ездили по кругу, как детский паровозик, вводя наблюдателя в некий гипноз. Но ничто не могло сравниться с материнской набожностью. Робби буквально вскипал, когда видел, как она молится. Ему это казалось таким заказным шоу, где ему была отведена роль мальчика, на которого спускают гнев после неудачных дублей. Робби терял аппетит, когда за столом она просила его читать молитву вслух. Он физически не переносил церковь и священников, и их неподвижные лица. Он не верил им. Ни единому слову и жесту. Ему иногда казалось, что эти старцы от безысходности челом бьют. И все эти люди... «Безвольные глупцы, верят, что кто-то должен решить их проблемы, мозг им в голову положить. Почему я не могу так? Почему я не могу отдать свою жизнь в руки невидимого волшебного друга? Какое сострадание? Какая преданность? Я не верю им».

В школе все знали, что Робби не откажет, ведь он хороший сын, послушный, верующий, податливый мальчик. Это стало клеймом. Сам он ненавидел себя за эту слабость, за свой страх перед матерью, за то, что он молча подчинился, раз за разом говоря себе, как упрек: «Да-да,

обтирайте ноги дальше. Мне на том свете воздастся. Робби-бесхребетный, Робби-трус, Робби-великомученик».

За несколько лет он привык к такому. Теперь все, что он чувствовал, – это презрение. Ко всем. Пару раз он послал одного парня, так тот пожаловался его матери. Когда Робби пришел домой, мать уже ждала его. Она заставила Робби два часа, стоя на коленях, читать молитвослов.

– Как много ты еще не понимаешь... Покаяние – вот что спасет тебя, – сказала она ему однажды, когда он пытался спорить. Мать никогда не позволяла ему начать, а делала так, чтобы ему было стыдно победить, переубедить ее, заставить усомниться в своей правоте.

– Так позволь мне самому все узнать, – говорил он.

– Узнавать *все* не обязательно.

– Я не собираюсь узнавать все, мама. – Ее возмущенность заинтересовала его. Ему стало интересно, что за ней кроется. – Я справлюсь сам, или ты не доверяешь мне? – спросил он чуть ли не с укором.

И тут ее лицо изменилось. Исчезла тревожная складка на лбу, плечи опустились, и глаза наполнились грустью. «Вот оно». Она залепетала:

– Нет, нет, Роберт, сынок. Конечно, я тебе доверяю, просто я беспокоюсь за тебя... ты ведь понимаешь, да?

– Понимаю.

– Наша душа послана сюда, чтобы страдать, чтобы очиститься... мы грешные слуги Господа. Мы, мы... должны страдать.

«Ах, вот в чем дело. А то я все не пойму, чего ты так стараешься».

– Вы такие молодые, ты и Алиса... думаешь, мы не совершали ошибок по молодости? Все, чего мы хотим, это уберечь вас от них.

– Но зачем? – Его так и норовило связать: «А как же ангел-хранитель?»

Молчание. Мать посмотрела на Робби с недоверием.

– Как это зачем? Чтобы уберечь вас от боли и страданий.

– А папа всегда говорит, что никто и никогда не учится на чужих ошибках.

Она выпрямилась, как по сигналу. Снова – безликая, холодная, надменная. Робби не мог проследить, где между этими качествами мерцает божья любовь. Ничего не ответив, она только поправила волосы и ушла. «Опять молиться». Робби, наблюдая за ней, все никак понять не мог – в театре он находится или в цирке.

Но, несмотря на все эти смелые мысли, он боялся ее, хоть и пытался отрицать свою ненависть к ней. «Как я могу ее ненавидеть, она же моя мать, – думал он. – Я должен любить ее. Другие дети любят своих матерей. И я должен».

Мысли снова поглотили его, он уже и не замечал этого. И вдруг, нарушая гладковыбритую стерильность его мыслей, в комнату ворвалась Алиса – запыхавшаяся, с улыбкой во все лицо, она закричала:

– Робби! – кинувшись ему на плечи, она смеялась, искренне и взахлеб, как это умеют делать только дети. – Робби, ты не представляешь! Я так рада, так рада! – Она не могла стоять на месте. Все ее тело трепетало, а лицо буквально светилось. Робби нежно отодвинул ее от себя и, довольно улыбнувшись, медленно, смакуя каждую букву, спросил:

– Сдала?

– Да!

Они заверещали, прикрывая друг другу ладонями рты, чтобы приглушить звуки.

– Я тебя обожаю! Умница! – прошептал Робби.

– Зачеты в музыкалке – это что-то... Но я так рада! – выдохшись, она плюхнулась на кровать и закрыла глаза. – Ференц Лист, эй, ты меня слышишь? Я избавилась от тебя! До встречи в следующем году! – сказав это, она закрыла лицо руками и, немного отдышавшись, расплакалась.

– Ну что ты, солнце, ну перестань, – ласково произнес Робби. – Иди сюда.

Он сел рядом с ней и уложил ее голову на свои колени. Алиса бормотала сквозь слезы:

– Все нормально, нормально... Я сейчас успокоюсь. Сейчас, сейчас.

Алиса плакала часто, и все в семье привыкли к тому, что после каждого зачета она уплывает в страну размытых стонов, завываний и жалоб на того, кто, по ее мнению, виноват во всех грехах человеческих. Ранимый ребенок, что с нее взять. Робби постоянно без причин переживал за нее. Грубость и невежество били по ней, как камни, летящие откуда-то с верхотуры. Робби часто с укором смотрел наверх, про себя обращаясь к тому, кто все это придумал. «Ну ведь кто-то придумал боль, грязь, смерть? Это мог сделать лишь самый всемогущий из нас. Так почему мы восхваляем его, просим о помощи? А он все это слушает, и чтобы потешить себя, посылает нам то, чего мы боимся, от чего бежим... а нам втирают, что все это от великой любви к Человеку...»

Его общение с Богом началось очень рано. Первое воспоминание – Его смех и крики матери. Еще он помнил ее лицо и руки, всегда холодные и худые. Помнил отца, улыбчивого и теплого... сегодня от этого воспоминания его мутило, ведь тот уж несколько лет не выходит из депрессии. Он часто болел, с детьми почти не общался. И самое странное – они спали с матерью в разных спальнях. Хотя в их семье все было странно. И радоваться детству в такой обстановке было сложно. И тогда, в возрасте 4–5 лет, Робби впервые обратился к тому, чье присутствие всегда чувствовал. Это был его первый призыв о помощи – тот самый внутренний порыв, который невозможно объяснить или выразить словами. Ты просто стоишь на коленях и ждешь... ждешь его ответа или знака. А он молчит.

Так Бог промолчал все его детство. Наверное, отсюда берет свои корни тяга Робби к душещипательным монологам.

Алиса успокоилась, и Робби в погоне за своими мыслями не заметил, как она уснула. Ему нравилось наблюдать за ней. Ему нравились ее ангельское чистое лицо, маленький, слегка вздернутый носик и пышные кудряшки, отдающие золотым блеском. Она была маленьким лучиком света в его невеселой жизни, и беречь сестру означало беречь что-то, что люди обычно называют смыслом жизни. Ей единственной было позволено нарушать правила. Тоже загадка. И несмотря на то, что Алисе уже было почти пятнадцать, Робби заботился о ней, как о крохотной малышке в белом платьице, в пушистом ободке и с волшебной палочкой в пухленькой ладошке. Про себя он называл ее ангелом и считал это своей самой интимной тайной.

Робби отнес сестру в ее комнату, а на обратном пути наткнулся в коридоре на отца, на чьем лице он увидел жутковатое по своей четности сожаление, которое блеснуло в едва заметной улыбке. В рассказах матери отец был чем-то плохим, неприятным, мерзким. Но каждый раз, глядя ему в лицо, Робби испытывал тот самый душераздирающий внутренний конфликт, который, по-видимому, испытывают все дети, чьи родители, объявив войну, вешают детям на уши невкусную холодную лапшу про друг друга.

– Сдала? – спросил отец сиплым голосом, глядя на Робби из-под тяжелых век.

Робби кивнул. Отец направился к ее двери.

– Она спит, пап. Только что...

Но отец просто взялся за ручку, повернул ее и вошел в комнату, где пахло карамелью и чистым бельем. Робби хотел пойти за ним, но не успел сделать вдох – дверь закрылась прямо перед его носом.

Он простоял перед дверью несколько секунд с закрытыми глазами, чувствуя себя самым жалким созданием из всех. Ужаснее всего было то, что так его заставлял себя чувствовать родной отец, которого он любил, несмотря на упрямое сопротивление шаблонов и предвзятого мнения, навязанного вторым по важности человеком в его жизни – родной матерью.

* * *

– Я не приеду.

– Не понял. – Тема стоял перед Робби, засунув руки в карманы, глядя на него из-под прикрытых век.

– Она не отпустила. Ах да, и еще сегодня я иду к своей ненаглядной бабуле толочь пюре и выносить ее горшок. Поэтому если ты хочешь как-то спасти мой день, то даже не вздумай меня расспрашивать и уговаривать, а просто принеси мне туда бутылку вискаря.

Тема медленно нахмурился. Он все делал медленно.

– В смысле не пустила? Всегда пускала. В этом году что поменялось?

– Я откуда знаю, если так интересно, сам спроси.

– В смысле, интересно? Ты идти не хочешь, или у тебя снова уход в подноготную?

– Я не знаю. Может, это и к лучшему. К тому же там Вера будет.

Тема прикрыл веки и с выдохом выпустил фирменное:

– Начинается...

Робби ненавидел, когда он говорил так. Тема, зная это, продолжал:

– Да, Вера будет, потому что она берет на себя готовку и коктейли. Можешь не подходить к ней, чертов социопат. А если ты думаешь, что можешь слиться, то нет. Не получится. Ты каждый раз говоришь, что не хочешь, а потом проходит время, тебя затаскиваешь силой, и все. Тыходишь во вкус, и твой прежний мир убеждений и взглядов уходит из-под ног.

– Все, хватит. День рождения, в конце концов, не последняя возможность напиться.

– Точнее, нажраться. В твоем случае только это слово подходит. И еще – дружище, ты странный.

– Другьям так не говорят.

– Да ну, опять?

– Ненавижу твои шутки.

– У тебя просто чувства юмора нет.

– Есть. Но если тебя смущает что-то, так скажи, а не отшучивайся.

Тема медленно закатил глаза.

– Твое отношение к юмору какое-то нездоровое, дружище. Нет, ты точно накосячил. Она не могла вот так ни с хера не пустить.

Робби не ответил. Просто на первом уроке они сидели на разных партах. На втором Робби оттаял.

– Я передумал.

– Я знал, – изображая улыбку, ответил Тема.

– В задницу все эти запреты. В конце концов, мне будет 17. Хуже уже не будет.

– Радикально. Дружище, а потом ты что делать будешь? В монастырь захотел?

– Перестань называть меня «дружище». И при чем тут монастырь?

– Дружище. Вдруг тебя спалят?

– Да пошел ты.

Они рассмеялись.

– Алиса тоже будет, ты в курсе?

– Чего? – Робби потупился. – В смысле, тоже? – «Вот засранка. И как она умудрилась? Даже не сказала ничего». Робби достал телефон и сразу написал ей. Потом поднял взгляд на Тему. Глаза у него откровенно светились. – Теперь из нас двоих странный ты. Вы ведь не общаетесь. С чего это ты решил ее позвать? Чтобы мне ее там напоили?

– Ну как не общаемся. Я ей на сториз отвечаю. Иногда.

– Вау, и ты решил позвать ее на вечеринку, где, кроме нее, самому младшему будет 17?

– Да все будет нормально. Я за ней пригляжу. Пока ты там будешь на баре сидеть. Потом гулять пойдем.

– Интересно, как она отмазалась...

– Она дитя любви, это все объясняет. Ты лучше подумай о себе.

– Это самое сложное.

– Ну, сама идея дрянь. Придется сказать, что это я все замутил. Потом упасть на колени перед твоей матерью и раскаяться. И все. Как это удобно. Пора начинать пользоваться этим.

– А ты думаешь, Бог не накажет тебя за корысть?

– Искренне верю в его наивность.

– Чувствую, в случае провала в монастырь поедем вместе.

– Ну уж нет. У меня слишком роскошные волосы.

– Монашки любят голубоглазых блондинов, – подмигнул Робби.

Тема поежился.

– Все-все, хватит. Ты вообще-то тоже голубоглазый. Тебя побрей, так ты и за монашку сойдешь.

– Спасибо, друг.

– На здоровье.

Робби не представлял свою школьную жизнь без Темы. Тот был большим человеком во всех смыслах – но рост и остальные параметры никак не сочетались с его пронизательным умом. По его лицу можно сказать, что он социопат, а держался он всегда как статуя – неподвижный и совершенно непроницаемый. Окружающим казалось, что у этого мальчика мимики как таковой нет.

Они с Робби идеально дополняли друг друга. Пускай со стороны так не казалось. Невозмутимый Тема и застенчивый Робби – им обоим нравилось, что многие вещи можно не говорить вслух, достаточно о них просто подумать.

Однажды Робби сказал Теме, сурово глядя на поставленных в ряд угрюмых первоклашек:

– Почему мне иногда кажется, что кто-то из них сейчас подскочит с волыной и расстреляет всех к чертовой матери?

Помолчав, Тема задумчиво ответил:

– Я чувствую то же самое.

Их объединяло многое, но ни одна тема не затягивала их так надолго, как общая ненависть к идиотам.

«Люди – это всего лишь механизм, к которому можно и нужно подобрать правильный инструмент, чтобы тебе было комфортно рядом с ними» – это было их негласной конституцией, их кредо. Но если Тема клал с прибором на иерархию социальных слоев, как и на мнение сверстников, и на свои эмоции, то Робби рефлексировал со всего, что происходило внутри и снаружи. Но несмотря на это, ему казалось, что он ничего не чувствует. Как это возможно – а кто его знает?

Он не мог объяснить себе, почему скука за школьной партой за последние годы все чаще стала преобладать над всеми остальными состояниями. Люди все реже интересовали его, и постепенно общение с ними свелось к автопилоту. Они перестали быть ценностью, а их дружба – чем-то особенным. Как-то он сказал Теме:

– Иногда у меня возникает ощущение, что я надеваю маску – маску нормального, общительного, прикольного. Что, если я вовсе не такой, каким показываю себя? И то, что я вижу перед зеркалом, это просто вросшая, ставшая привычной, как кожа, маска. Маска другого меня. Я говорю то, что им интересно, что они хотят услышать.

– Кто они?

– Да люди.

На это Тема беззвучно посмеялся и сказал:

– Поверь мне, подавляющее большинство смертных занято тем же, что и ты, – рассуждениями о том, что о них думают другие.

– А ты разве не думаешь об этом?

– Неа. Вообще мне кажется, что я достиг просветления. Ничто меня не беспокоит. Ни люди, ни я сам.

– Прости, мой юный Шакьямуни, но это больше похоже на хитрые происки твоего ленивого мозга...

– ...который пятый год выигрывает всероссийскую олимпиаду по математике.

– Ой, ну да. Это ведь так о многом говорит. Но на Будду ты все равно не похож. Потому что ты злой.

– Это плата за мою гениальность, только и всего.

От таких разговоров и бурлящих от веселья вечеров, где можно было пить без остановки, все внутри замолкало на какое-то время. Пока тупая боль, прячущаяся за маской безразличия, не достигала пика...

Что случается, когда ты достигаешь предела боли? Черные дни. Безвольное обездвиженное тело, сгорающее от внутреннего напряжения и душащего давления в горле. Когда наступали черные дни, Робби закрывался в комнате и просто существовал. Сидел на полу, слушал музыку, трупом лежа на кровати, рассматривал потолок, расставлял книги в шкафу, точил карандаши. Но чаще – просто лежа на полу, и старался не задохнуться от удушья невидимой руки. Она сжимала его горло, иногда переходя на виски. И тогда, чтобы как-то ослабить невыносимую боль, Робби напрягал все тело. Больше всего доставалось рукам. Робби как будто оказывал сопротивление, но не кому-то, а самому себе. Это жутко, когда собственное тело пытается убить тебя. Но кто его на это настроил? Не ты ли сам?

А когда напряжение немного затихало, он представлял, что в одном из углов спрятана камера, через которую за ним наблюдает Бог. Или просто какие-нибудь садисты.

«Я как чей-то неудачный эксперимент»

Это нормально, что у людей бывают дни, когда настроения нет и не хочется никого видеть. Проходит пара часов, и все заканчивается. Они съели мороженое, выпили вина, занялись сексом, пошли на шопинг – все, жизнь снова прекрасна. Малейший спад эндорфинов, пара неудач – и все, у него «депрессия». Робби презирал таких нытиков, хотя в глубине души завидовал тем, кто не знает, каково это – бояться самого себя.

Эти дни сливались в один бессмысленный промежуток глухой пустоты, в которой нет времени. Они просто приходили к нему, как палач к заключенному, который не знает дату своей казни. И каждый раз он надеялся, что это конец. Лучше умереть, чем жить с вечной ненавистью к себе. Робби хотел, чтобы все закончилось. Но нет. Это всего лишь очередная пытка. Ты просыпаешься, встает солнце, люди, машины – и вот ты снова в своей комнате, где изучил каждый угол, каждую царапину на стене. Ложишься спать. Завтра все то же самое. Тупое нежелание что-то делать. Когда тело отказывается двигаться, и ты просто смотришь в одну точку без мыслей – это если повезет. Порой непроизвольно в памяти начинают прорезаться гнилые ростки детских воспоминаний, где тебя унижали или оставляли одного. Еще один день закончился, но ты не думаешь: «Да, сегодня был неудачный день. Но завтра все будет замечательно!» Нет. «Вот бы никто не докопался ко мне завтра. Вот бы мне не пришлось говорить. Совсем. Боже, пусть они не трогают меня».

Жизнь на автопилоте имеет свои плюсы. Ты не тратишь силы на изощренное общение, не вникаешь в суть – просто делаешь, что требуется, тот самый минимум, который необходим для выживания, и все. После – наушники, капюшон и на остановку.

Но его внешняя подавленность и вялость, которую видели все, была всего лишь защитой. Она берегла его девственную внутреннюю чувствительность от грубого мира глупых людей.

Робби часто повторял: «Если кому-то будет очень надо, он не поленится и найдет дверь или дождется, когда я сам ее открою. А кому не надо – пусть идут мимо. Я справлюсь и без них».

Робби обожал дорогу и поездки на машине. Музыка, с которой он сросся за несколько лет, стала его основным обезболивающим, которое, помимо анестезии, давало эффект интенсивности, насыщенности красок мира вокруг. Скука на какое-то время уходила. Дорога домой под пеленой мелодий и удачно собранных слов стала передышкой между бесконечными столкновениями мнений и взглядов внутри его маленькой кудрявой головы.

«Никто не должен тебя развлекать, малыш. Весели себя сам», – осуждающе говорил ему голос в голове. Робби равнодушно от него отворачивался, отвечая:

«А смысл делать что-то для этих людей? Они не способны оценить красоту, талант, силу. Хлеба и зрелищ – этого им надо. А я шутком быть не собираюсь. Как и наживой».

Перед вечеринкой Робби все-таки решил зайти к бабушке, но сперва забежал домой за костюмом. С бабулей проблем не было. Она давно потеряла интерес к миру. Робби продумал детали, составил правильное впечатление и в полпервого ночи вышел в парадную в отглаженном костюмчике цвета морской волны, с повязкой на голове, которая служила ободком, и истратив за несколько секунд напряженных телодвижений нервных клеток больше, чем за весь месяц, рванул вниз по лестнице в ледяную улицу.

* * *

Робби видел список приглашенных, но он никак не предполагал, что на его дне рождения будет так много незнакомых ему людей. Дверь ему открыл какой-то упоротый парень в ковбойской шляпе с лицом настолько безразличным, что это даже пугало.

– А, Робби-девственник, ну приветик. Заваливайся.

Робби, не изменяя традициям, пришел в костюме. Тема почти сразу заметил друга и сунул ему в руку открытую бутылку коньяка.

– С днем рождения, дружище!

– Не называй меня дружище!

– Так, народ! – заорал Тема басом. Музыка тут же выключили. – Именинник на месте, девочки, мальчики и алкоголь тоже. Но прежде чем вы погрузитесь в липкие объятия этой развратной ночи, запомните: фарфоровый сервиз с гусем трогать нельзя. Если хотя бы одна тарелочка разобьется – я вас выкину из окна. Все что угодно, но сервиз с гусем не трогать. Уничтожу.

Парень в ковбойской шляпе вышел к Теме и, всем своим видом выставляя оскорбленные чувства, сказал:

– Братан. Мы, конечно, отбитые. Но ты за кого нас принимаешь? Даю слово – сервиз с гусем не пострадает.

Кто-то заорал «ура». Снова заиграла музыка, слова смешались с людьми, которых было так много, что приходилось расталкивать их, чтобы пройти. В теплом влажном воздухе пахло фруктовыми духами, ромом и попкорном. Все было как будто в тумане из-за кальянного дыма. Единственными источниками света были подсветка на потолке и экраны телефонов. Это создавало особенную атмосферу. Какая-то вседозволенность напала на всех. Робби от такого с ума сошел. Именно за этим ощущением он и гнался.

Почувствовав в груди содрогание свободы и горячего соблазна, он пробрался на кухню и нашел там тех, кто полностью разделял его порывы. Две его ровесницы в странных платьях тут же повисли на нем, как только он зашел в комнату. Одна запустила ему руку в волосы, без конца восхищаясь их красотой. Вторая, держа его за локоть, повела к стойке с алкоголем.

– Тут есть виски? Дайте мне виски! – Робби говорил громко, излишне самоуверенно, как это делают дети, притягивая девочек к себе. Он улыбался, наслаждаясь мнимой свободой. Эти

секунды были для него глотками воздуха – когда он мог говорить что хотел, кричать и ругаться с кем попало. Эти секунды абсолютной свободы – именно за ними он пришел сюда. И пускай это иллюзия, но она хоть на какое-то мгновение облегчала ему жизнь. И за это он готов был платить своим здоровьем, временем и – господи прости за старомодность – честью!

Робби налили полный стакан виски с колой, наспех накидав в него льда и несколько долек лимона. Он сделал пару крупных глотков, торопясь поскорее отключить свой аналитический аппарат и все тревожные переживания. Музыка позади него пробуждала желание двигаться. Ритмичные удары, знакомые слова – и он превращался в настоящего артиста. Робби проник в самую глубь толпы, все еще сжимая обеими руками женские тела. По пути он встретил Тему, и на секунду Робби почувствовал себя счастливым – никакой боли и страхов. Всего секунда – но она стоила всех тех скучных будней и сдержанных криков. Звуки и ритмы играли друг с другом, руки то поднимались ввысь, то касались чужих тел. Приятное тепло и жжение алкоголя в груди помогали улыбаться. Он ничего не думал, никого не знал и был этому рад.

Протест

Фиолетовая подсветка, черные силуэты и однотонные удары музыки. Она стояла на пороге квартиры, держа в одной руке бутылку вина, в другой – пачку сигарет Treasure. На ней было черное пальто, а под ним – платье из роскошного шелка, с элегантным разрезом, идущим от ключицы до подмышки. Длинные пепельные локоны падали на плечи. Поднимаясь, она сомневалась, стоило ли ей приходить. Внизу ее ждала машина «если что – я тут же уеду», подумала она, сжимая в ладони брелок. Теперь она с грустью смотрела впереди себя, не понимая причины своего появления здесь. «Бесцельные дергания под музыку с перегаром и глупым лицом с выражением животного восторга – на это ты хотела потратить свой вечер? Лучше бы дочитала главу про специфику квантомеханического понимания...»

– Ну наконец-то! Маша! – На девушку выскочила Алина Миронова, низенькая пухлая девочка с огромными глазами и маленьким ртом. На ней был нелепый розовый костюм, похожий на пижаму, никак не сочетающийся с ее манерой держаться по-королевски надменно. Алина подлетела к гостье, разглядывая ее платье снизу вверх. Потом она повернулась к толпе и завопила: – Народ, Маша! Маша пришла! Она наконец-то выбралась из своей кельи!

В ответ несколько человек завyli и ринулись в прихожую.

Робби стоял возле столика с напитками, допивая вторую бутылку белого вина. Услышав животные крики, от неожиданности выронил из рук бокал. Содержимое большими каплями растеклось по сверкающей стеклянной поверхности. Несколько крупных осколков упали на пол. В глазах у него двоилось. Не удержав равновесие, он упал на пол и, наугад водя руками, принялся собирать осколки. Какой-то парень, проходя мимо, задел его ногой, ругнулся и помог Робби подняться. Потом всунул ему в руки новый бокал с непонятным содержимым. Робби не запомнил его имени. Его мучило от запаха алкоголя. Он почти поднес бокал к губам, но вдруг увидел на нем кровавые отпечатки. Робби посмотрел на правую ладонь – из нее в нескольких местах алыми струйками вытекала кровь. «Вот блин. А как же Алиса...»

Робби как-то неуклюже развернулся к толпе и начал искать глазами сестру, но вместо лиц видел лишь смазанные черты и ритмичные движения поднятых рук. Он снова посмотрел на ладонь, а потом на осколки на столе. Звуки на фоне притихли. Остались только удары сердца где-то в голове и горле. Робби взял один и принялся изучать острые сколы в попытке сосредоточиться. Через несколько секунд он услышал непонятный, незнакомый ему прежде звук, напоминающий хруст свежей капусты. Все краски вокруг обострились. По руке пробежало тепло. А музыка становилась все громче, громче, пока не превратилась в одну большую звуковую лужу.

Вдруг кто-то начал сильно толкать его по плечу. Робби с трудом повернулся и увидел перед собой девочку. Она с широко раскрытыми глазами трясла головой, постоянно дергая его за руку. Робби отвлекся на ее прическу – огромная копна черных вьющихся волос, которая напоминала ему сладкую вату. Только черную. Он потянулся к ним рукой, но девочка успела увернуться и куда-то убежала. И тут Робби понял, что она хотела сказать. Его охватил синий ужас – вся его правая рука, вплоть до локтя была исписана струйками крови, которые в некоторых местах превращались в запекшиеся островки. Робби бросило в лихорадку. Он в панике начал искать дверь в ванную. Как назло, в такие моменты напрочь забываешь все важные детали, вроде своего имени или названия любимой песни. Робби пару раз забыл свою фамилию и день недели. Было неловко, но тогда у него хотя бы не текла кровь из руки.

Он судорожно схватился на дверную ручку здоровой рукой и после нескольких неудачных попыток как-то смог закрыться изнутри. При ярком холодном свете рана выглядела еще ужаснее, чем ему хотелось. Но за аптечкой Робби не побежал. Он подошел к раковине и попытался успокоиться. Множество маленьких надразов выталкивали из себя все новую кровь.

Гляди, еще минута, и рука начнет захлебываться. Робби в другой день давно бы рухнул без сознания, как шкаф. Но сейчас он принялся с бесстрастным любопытством рассматривать свою руку, а после поднял глаза к зеркалу.

На него смотрел кудрявый, как пудель, мальчишка, который напился и, как полный дурак, начал творить фигню на вечеринке у друга. Он пристально вглядывался в каждую линию своего неправильного лица и с трудом верил, что *это* можно полюбить. «Вот бы встретить того, кто полюбит всего меня, все-все во мне, без исключения». Он сомневался, что это возможно, но почему-то ему казалось что в таком огромном мире должен быть кто-то, кто видит дальше твоего лица; кто знает об истине и любви. Пусть даже это не человек, а сила какая-то, что ли. Или закон. Робби искренне старался в это верить, потому что эта вера была единственной ниточкой, которая берегла его от удушливых объятий безумца, жившего внутри него.

Робби никого так не боялся, как его. Он не знал в мире страха огромней и уродливей, чем страх перед этим безумцем, который питался его разумом и постоянно пытался выбить его из строя, запугать, сделать невменяемым, бесполезным. Страх, который ждал его в каждом темном углу. Ниточка веры в Бога, во вселенский баланс давала какие-то гарантии, что все то дерьмо, через которое ему приходится ползти и пробираться каждый день – а именно через свои уродливые мысли о себе, через ненависть к отцу и матери, через жалость к собственной слабости, – отмоется, а бесконечные попытки поступать правильно – окупятся. Главное, чтобы эта ниточка не превратилась в петлю, на которой все и закончится. Будет грустно.

Он не хотел жить – да. Робби это казалось сущей ерундой. В его возрасте подобные желания нормальны. Ибо каждый второй недоделанный поэт-самоубийца. Непонятый и одинокий. В этом нет особой прелести, как раньше. и Робби не хотел этого показывать потому что стыдился. Стыдился себя и того факта, что он как все – скучный и слабый. Специально для этого он придумал защиту – смех. Истерический такой, пугающий. И еще шутки. Лучшего прикрытия нет, думал Робби, но в глубине души он знал – источник этого смеха отчаяние. Сейчас он видел в отражении свою злую улыбку, но также видел и дрожащие нижнюю губу и блеск в глазах. Он чувствовал себя жалким, потому что даже умереть достойно не может. Смелости не хватает – причем ни жить, ни умереть. А этот его подростковый бунт, сопротивление – всего лишь ничтожные попытки проявить себя. Но на них-то все и заканчивается. И это тоже было грустно.

Робби чувствовал внутри себя протест против этого состояния, и к своему несчастью, по знакомому каждому неудачнику закону подлости, вспомнил утренний инцидент. Навязчивые мысли, как приставучие пчелы, начали крутиться вокруг его головы. Робби отворачивался от них, как мог. Но, как это обычно бывает при долгом сопротивлении, в какой-то момент, причем совершенно непредсказуемый, тебе становится все равно. Полностью и совершенно. И в этот момент он снова услышал знакомый голос:

«Все твои слова – пустой звук, потому что строить догадки может каждый, доказать их пригодность – лишь тот, кто знает, о чем говорит. А ты не знаешь. Что может быть хуже, чем медленно и тихо оседающая в собственной душе бесполезность и жалкость? Что может помочь тому, кто уже все для себя решил? И нужно ли спасать таких? Тебя уже не спасешь. Зараза пропитала каждую твою клетку. Болезнь проникла в мозг, и ты уже никогда не сможешь быть нормальным».

Робби, глядя в отражение собственных глаз, видя все и не скрывая ничего, впился пальцами больной руки в окровавленную ладонь и сжал настолько сильно, насколько ненавидел себя. Презирая свои слезы, который лились на протяжении всего времени, презирая крики помощи своего несуразного тела, которое ни в чем не виновато, упиваясь собственной жестокостью... Робби продолжал давить, пока кровь не начала пузыриться и фыркать. Тогда он небрежно стряхнул алые слезы тела на белый кафель, вытер руки и туго перемотал их бинтом – чтобы не раздражало. Потом снова посмотрел в зеркало, поправил несколько взъерошенных

прядей и вернулся в толпу, которая никогда не узнает истинной причины его отталкивающих противоречий.

* * *

– Маша, ты не поверишь, тут наши голубки ненаглядные разругались. Ну как кто? Афанасьева с Гордеевым. Она его приревновала к Лене, ну та, которая никогда не красится, худая очень... – Алина говорила быстро, бегая глазами то по ней, то по лицам вокруг. – Он просто подошел к ней, типа поговорить, положил ей руку на плечо, а та приревновала. Так вот, они разругались, она сейчас на балконе сидит, закрылась там, курит, а он даже не думает идти за ней. – Алина пыталась выразить досаду, но глаза ее горели от удовольствия. – Тебе подлить? – Маша молча следила за Алиной, которая и не ждала ответа. – Так, а ты Валю видела? Ну такой, у него глаза еще немного вразлет и навекате? Нет, не знаешь? Он сказал мне как-то: «Маша необычайно развита, а мне как раз нужна та, кто будет меня вдохновлять». Иди-иди, поздоровайся с Валею. Он очень уж ждет тебя. Ну, Маш! Я ему уже пообещала. Спрашивал меня, где ты учишься, с кем общаешься... – Она многозначительно подняла бровь. – Короче, иди к нему, все сама поймешь. Мне кажется, он влюбился, но это не точно. Иди к нему! – Она почти исчезла из виду, когда Маша негромко окликнула ее:

– Алин, а кто этот Валя?

Чем дальше Маша пробиралась вглубь комнаты, тем тяжелее и противнее становился воздух. Интерьер квартиры никак не сочетался с атмосферой и людьми: огромные вазы с гортензиями на фоне позолоченных рам в стиле вычурного барокко и бутылки из-под пива, небрежно оставленные на блестящей поверхности французского столика; театральная напыщенность мебели резко контрастировала с арт-хаусной музыкой и резкими воплями пьяных подростков. Она плавно перемещалась по комнатам, ни с кем не здороваясь. Она искала Тему, который обычно всегда очень тепло встречал ее.

– Маша! Привет, моя дорогая зазнайка! – Тема появился довольно быстро в обнимку с каким-то парнем. – И ты снова с хмурым лицом. Моя школа. Ну прости, я знаю, ты не любишь все это, но я не мог не позвать тебя.

– Ты же знаешь, я бы не обиделась.

– Ага, все вы, девчонки, так говорите, а потом игнорите неделю. Я не куплюсь на эти ваши уловки, мадам. – Тема аккуратно чмокнул Машу в щечку. – Но слушай. Ты сможешь найти себе здесь достойную компанию. О, Вера. Иди-ка сюда.

Вера, высокая девушка с бледным безразличным лицом, остановилась и посмотрела на них.

– Знакомься, это Маша. Мой лучший друг, – Гордо, наигранно насупив брови, сказал Тема. – Понятие «подруга» она не признает.

– Ага, и я постоянно забываю, где у тебя бар, – бросила Маша, внимательно глядя по сторонам. – Тем?

Тема, упав в бездну небытия, сосредоточенно рассматривая ее мерцающие локоны, открыто игнорировал вопрос.

– Так, понятно. – Маша похлопала его по лицу. Тема медленно поднял на нее глаза и блаженно улыбнулся.

– Маш, я так тебя люблю. Ты знаешь?

– Знаю-знаю, дорогой, я тоже тебя люблю. – Она усадила его на софу. – Ему нужна сладкая газировка, желательна ледяная. Кто-нибудь может принести?

Никто не шевельнулся, лица сохраняли невменяемость. Маша спокойно выдохнула и, оставив большого друга в том же положении, направилась на кухню. В мутном воздушном

пространстве повисла атмосфера интеллектуального спада, и ей захотелось как можно быстрее смыться.

– Опа, какие люди. Мария. – Маша сразу узнала его голос. Она обернулась.

– Леня, – в ее голосе проскользнула нотка иронии, – привет.

– Как ваше ничего? Выглядишь ниче так. – Он смотрел на нее сквозь пелену стеклянных глаз, покачивая корпусом из стороны в сторону, словно он маятник. Из всей толпы его выделяла безупречная фигура греческого бога и совершенно тупой взгляд. Бывает глупый – тут еще есть надежда на избавление, но тупой взгляд – ему уже ничего не поможет.

– Спасибо, у меня все замечательно.

Леня приблизился к ней, залив ее волной дешевого одеколона. Маша посмотрела на его спортивные штаны, мятую футболку и едва заметную щетину на лице, и ее чуть не стошнило.

– А че ты не спросишь, как у меня дела? – выдал он, с трудом сдерживая икоту.

– Мне не интересно, – ответила Маша простодушно. В ней ничего не изменилось. Ни поза, ни голос.

– Чего?

– Мне не интересно, Леня. Поэтому и не спрашиваю. Все просто.

– А ты грубая, – сказал он, опершись рукой в стену за ее спиной. – Это сексуально.

– Я честная, не путай. И убери руку.

Он по-идиотски хохотнул.

– Не хочу.

Она не стала ждать. У женщин, рожденных ласковыми и нежными – а это все, без исключения, – но которым по распоряжению судьбы выпала доля идти через цветущий сад детства под руку с черствым и грубым отцом, со временем вырабатывается навык становиться хладнокровной сукой.

Грубовато, конечно. Но для них это броня, которая защищает от придурков вроде Лени, от смазливых пустозвонных признаний в вечной любви и прочих вмешательств в их личное пространство. Они не виноваты в своей наивности, потому что в неискаженном здоровом сознании мир безопасен и открыт. Но из-за вот таких вот полоумных отморозков хрупкие женские создания терпят полное поражение своих грез, и с этим приходится что-то делать.

Маша, понимая, что подобные инциденты не заслуживают потраченных из-за них нервов, аккуратно обхватила его кисть, упирающуюся в стену над ее головой, и резким движением дернула руку вниз. Леня чуть было не упал прямо на нее, весь перекрутился, как будто его только что разбудили. Его всего перекосило, он явно не ожидал, что в таких хрупких на вид руках может быть столько силы. Он сделал шаг назад. Маша сохраняла невозмутимость. Так бывает, когда человек, повзрослев, начинает осознавать, что есть в этом мире изъяны, которые нужно просто игнорировать, ибо бороться в одиночку с ними бесполезно.

– Не мешай мне больше, Леня, ладно? Меня там друг ждет.

Полное отсутствие иронии и сарказма. Никаких эмоций. Правильно говорят – нет ничего страшнее, чем равнодушие женщины. Это говорит о какой-то безжалостности, что ли. Леня разочарованно покачал головой и, уходя, выдал:

– Чокнутая.

Маша улыбнулась комплименту и, по-хозяйски взяв пару охлажденных бутылок колы, направилась к Теме.

Как отличить зрелую психику от незрелой? Такие инциденты не задерживаются в памяти и сразу попадают в тот отсек, куда подсознание прячет весь мусор вроде нравоучения нелюбимых учителей и замечаний неудачников.

Вдруг ее внимательный взгляд притянуло светло-голубое пятно, растекшееся по благородному бархату дивана. Она не сразу поняла, что пятно это – человек.

– А это кто? – спросила она позже у Веры, параллельно спаивая ледяной колой Тему. Та выдала пьяный смешок.

– Робби-девственник.

– Чего? Робби? – Маша нахмурилась. – Он нерусский, что ли? – спросила она с некоторой надеждой.

– Русский вроде. А что?

– Первый раз его вижу. Тема ведь обычно чужих не приглашает, поэтому спрашиваю.

– В смысле чужих? Они лучшие друзья с начальной школы, насколько я помню. И у этого Робби так-то сегодня день рождения.

– Серьезно? – Маша снова посмотрела на парня в голубом жакете. Нет, она видит его первый раз. – А кто он, откуда, знаешь?

– Знаю, что Алина с ним нормально общается. У них родители дружат. Не сказать, что они прям уж так хорошо ладят, но общаются давно. – Вера говорила, растягивая звуки. Прикрытые веки и жутко бледное лицо напомнили Маше какого-то персонажа из мультика про эльфов. – Я с ним время общалась. Он необычный. Как попугай. – Она допила виски. – И танцует классно. Но только когда пьяный. Я думала, ты знакома с ним. Они ведь лучшие друзья.

– Да-да, ты уже говорила.

Маша слегка наклонила голову и с осторожным любопытством начала изучать лицо парня в голубом жакете. Черные кудри падали на лоб, закрывая собой светло-серую повязку. Она стояла далеко, но смогла разглядеть его лицо, которое показалось ей красивым без тени женственности. Маша отметила, что из всех присутствующих здесь мужских лиц только *его* лицо внушало ей доверие. Но это было мимолетное ощущение, которое растаяло, как только чужой голос вторгся своим бесформенным телом в ее мысли. Это был Марк.

– О, Машулькин пришел. Как ты тут? Соскучилась по мне?

«Да что ж такое. Что с ними сегодня? Или это просто модно – имитировать заинтересованность?» Маша вежливо улыбнулась вместо ответа.

Марк хищнически разглядывал ее ключицы.

– Вер, там, кажется, алкоголь кончился.

– Где?

– Ну там, на кухне. Не посмотришь?

– Нет. Я уже уйду. Завтра вставать рано. Тебе, кстати, тоже. – Вера небрежно ткнула Марка пальцем в мягкое плечо. Потом повернулась лицом к залу, будто желая попрощаться с кем-то взглядом или просто посмотреть еще разок. Маша заметила это.

– Я завтра не пойду в универ. В обед уезжаю в Москву. – Он развел руками. – Машулькин, покурить не хочешь?

Маша кивнула, еще раз посмотрев на спящее лицо. Он сидел все там же, но уже в другой позе. Какая-то тревога навалилась на нее. Так старшая сестра беспокоится за младшего брата. Давно она такого не испытывала. Маша осмотрела окружающих его людей, степень их вменяемости и осталась недовольна наблюдением. «Будет странно, если я подойду к нему и заберу его с собой. Тем более я его даже не знаю, вижу впервые, что за сантименты? Но у него такое лицо...»

Она резко повернулась к Марку и холодно бросила:

– Пошли.

Они вышли на лестничную клетку, а через нее на открытый балкон, соединяющий лестницы. Холодный ветер завывал внизу, то поднимая пыль, то с силой швыряя ее на тротуары. Небо смешало в себе все цвета городской ночи – и бронзово-оранжевые лучи фонарей, и темно-фиолетовые просторы вселенской мглы, и серо-черные тучи дыма, пара и пыли. Кое-где еще было заметно сонное движение машин, преследующих цель, навсегда скрытую от пешеходов. Маша смотрела на город, опираясь голыми руками о ледяные металлические перила, удержи-

вающие ее на огромной высоте от падения на холодную землю. Ей нравилось наблюдать за ночной жизнью Питера и думать, что вот тот бродяга – это будущий великий поэт, сегодня поглощенный болью и страданием, даже не подозревающий, что завтра его рифмы станут триумфом. Марк все это время наблюдал за ней. К тому моменту, как она достала первую сигарету, он докуривал вторую.

– Ты всегда о чем-то думаешь, да?

– Да.

– Жесть. Я бы так не смог.

– Да. – Она затянулась. Любимый вкус сигарет поднял ей настроение, выбив из головы все сомнения.

– Неужели тебе никогда не хочется отвлечься, отдохнуть, потупить?

– Хочется. – Она сказала это, по-прежнему глядя на город. Марк удивленно улыбнулся.

Хоть что-то их объединяло.

– И как ты отдыхаешь?

– Читаю кулинарные книги.

– Что?

Она повернулась к нему. Высокий и неуклюжий, он напоминал ей моржа. Красная толстовка, прячущая под собой рыхлое тело, совершенно не вписывалась в ее утреннюю картину. Он никогда ей не нравился. Причем совершенно. Бывает такое, когда человек не нравится целиком. Не нравится голос, лицо, мысли, манеры, походка, даже одежда его не нравится. Одним словом – НЕТ. Маша не могла смотреть на него больше минуты, потому что даже безликая чернота его зрачков отталкивала ее.

– Книжки кулинарные читаю, смотрю картинки. Мне нравится.

– И не готовишь?

– Нет.

Он тупо уставился в пустоту. Они молчали. Вдруг Маша решила использовать возможность разузнать побольше про мальчика в повязке. Терять эти несколько минут своей жизни без пользы ей никак не хотелось.

– А что за парень в повязке? Ты его знаешь?

Марк прищурился и достал третью сигарету. Маша терпеливо наблюдала за ним.

– Это лучший друг Темы. Вы же с ним общаетесь. Должна его знать.

– Я его впервые вижу. И давно они дружат?

– С начальной школы вроде как. Мы учились в одной школе. Они на два года младше меня.

Маша задумалась. Все это было странно, потому что она была на всех вечеринках, которые устраивал Тема, и ни разу не видела мальчика в повязке.

– Все говорят, что этот парень, Робби вроде, да, его все так называют, вообще он Роберт, кажется... не суть. Короче, он странный, учится в художественном классе. Хотя они там все странные. Я его видел только у Темы на тусовках. Вообще он на социопата смахивает.

– Готова поспорить, ты даже не знаешь, кто это. Что за мода пошла умные словечки вкидывать, при этом даже не имея представления об их значениях?

– Блин, Маш. Ты слишком все усложняешь.

– А ты откуда про все это знаешь?

– Про что?

Маша на секунду прикрыла веки.

– Об этом мальчике.

– Это все знают. Ты за ними понаблюдай. Все поймешь. Но я думаю, тебе этот малой не понравится. Не твой формат, зай. Он зажатый, стеснительный. С ним особо никто не общается. А тебе не такой нужен. – Марк посмотрел на нее, как смотрят на молодых студенток ста-

рики-преподаватели, у которых пубертатный период остановился на стадии формирования, – пошло, явно заигрывая. Маша с каменным лицом выслушивала его нескладную речь, с трудом веря, что такие люди, как Марк, тоже заслуживают любовь и право на жизнь. Эта мысль будоражила ее, вызывая ментальную тошноту. Марк тем временем беззаботно продолжал:

– Попытался я как-то поговорить с ним, но это было лишним. Ну он пару раз задал вопрос какой-то странный и... сложный. То ли про смерть, то ли про бесконечность. Депрессивный, короче, пацан, скучный. Не знаю, что Тема в нем нашел. Они в школе друг от друга не отходят.

Маше пришла в голову очевидная, на первый взгляд, мысль, которая ее даже немного разочаровала.

– Так, может, они...

Марк хохотнул.

– Не, точно нет. – Он сделал глоток виски и поморщился. – Ты что, забыла, как Тема ко всему этому относится? А этот Робби вообще, по ходу, девственник.

– Поверь мне – по внешним показателям вообще нельзя ничего сказать. Я видела таких раскрепощенных девственников, что ваши школьные казановы обзавидывались бы.

– Ну ты-то в этом спец. – Марк похабно улыбнулся.

Маша уже не обращала внимания на Марка. В ее голове зажглась лампочка – теперь она сильнее прежнего хочет узнать, что за парень этот Роберт-девственник. Она отошла от перил, дав понять, что хочет уйти. Марк выбросил сигарету и посмотрел на нее. Мгновение они молча смотрели друг на друга.

– Все, пошли, я замерзла.

– Запала на него?

Она почувствовала укол злобы. Не желая показывать это, чтобы не давать никаких поводов, она грубо выпалила:

– Заткнись, Марк. Ты, когда пьяный, несешь такую чушь. – «И не только когда пьяный. Ты в принципе идиот».

– Ну да, я все понял. – Он ехидно улыбался. – А не маловат он для тебя, подруга?

Маша вздохнула и грустно сказала себе:

– *Absentem laedit, qui cum ebrio litigat.* – Она взяла его за кофту двумя пальцами и потянула за собой – Пошли, умник. Тебе надо похмелиться.

В тот момент, когда она дернула старую дверь, где-то вдали послышался ужасный вопль. Она резко обернулась в тот момент, когда Марк сделал за ней шаг, и получилось так, что он оказался на уровне ее лица. Она не видела его, но почему-то, повинувшись некоему инстинкту, ждала второго сигнала. Но тут почувствовала на своем лице чужое дыхание и, поддавшись инстинкту самосохранения, резко оттолкнула от себя Марка. Лицо ее исказилось отвращением. Она ничего не сказала. «Какая измена по пьяни? Когда ты любишь кого-то, ты никогда не подпустишь к себе чужака. А если он уже не чужак – разве это измена?»

Когда она зашла в квартиру, первым делом направилась в гостиную, в надежде застать там только одного человека. Его не было. На диване теперь сидели какие-то незнакомые ей лица. Рядом его тоже не было. Она пошла искать Тему. Тот тоже куда-то пропал. Маша увидела Алину и впервые в жизни обрадовалась тому, что знакома с ней. Но Алина была уже на той стадии опьянения, когда слова до мозга просто не доходят. Маша нашла более-менее трезвого парня с умным лицом и спросила у него:

– Робби? Кто это вообще? А, Роберт? Да, он ушел куда-то минут 10 назад. Тему не видел... что? Нет, не один, с девушкой. Да, кажется, они пошли на крышу.

Маша долго время смотрела на этого парня и не понимала, что он говорит. В первую секунду она расстроилась, обиделась, разозлилась, возненавидела, но в следующую секунду бесстрастно сказала:

– Спасибо.

Она быстро нашла свои вещи, накинула пальто и, взяв с собой закрытую бутылку белого Torre Marchini с кухни, как плату за испоганенный вечер, ушла так же незаметно, как и пришла.

На крыше

Робби стоял на крыше. Он не помнил, как попал сюда. Дул холодный, колючий ветер. Смеркалось. На улицы выползали трудяги и пьяницы. Все счастливые люди, судя по всему, спят, подумал он. Робби видел, как вокруг него плывет небо; на какой-то момент ему даже показалось, что это он сам крутит головой – так стремительно менялись картинки. В голове от напряжения сжало все сосуды, а сама голова будто превратилась в кусок стали. Он посмотрел на телефон. Три пропущенных вызова от Алисы и два от Темы. «Мы ведь только что виделись...» Он попытался позвонить сестре, с трудом попадая на цифры, но на телефоне кончились деньги. Это был последний проблеск сознания, потом все отключилось. Он стоял на краю крыши и смотрел на город. Алая кровь со стуком дождевых капель падала на бетон с посиневшей руки. Бинта уже не было. Робби поднял ее и начал рассматривать сочившуюся кровь без прежнего отвращения, не чувствуя боль. Кровь наполнила собой все впадинки на ладони, которые теперь были похожи на алые реки с высоты птичьего полета. С ладони кровь стекала по пальцам, окрашивая ногти. «Красиво выглядит. А утром, наверное, будет больно. Наверное, утром я пожалею. Наверное, утром я...»

Он посмотрел вниз. И к нему пришла мысль, которая не вызвала никакого ответа внутри. Ни сопротивления, ни возмущения, ни ужаса. И вдруг он расхохотался, почувствовав прилив невероятной жалости к самому себе. Жалость к самой мысли о том, что сделать *это*. Прыгнуть, полететь и упасть. «Лишь бы это закончилось, лишь бы, лишь бы...» Робби снова посмотрел вниз и резко отпрыгнул назад, на мгновения вернувшись к себе. «Нет, нет, нет... так нельзя, нельзя, я не хочу...» Ему показалось, что он говорил это не себе, а некой сущности внутри него самого, которая желала его смерти. «Это она, она хочет избавиться от меня... она хочет, чтобы я прыгнул... но я... нет, нет, нет!» Робби сделал шаг назад. И вдруг наступила полная тишина. Он почувствовал, как сильно устал, и просто поддался всем мыслям сразу. Они металась в голове, как дикие птицы, сбивали друг друга, дрались, ломали крылья, умирали, а потом снова рождались.

Но в какой-то момент все замолкло. Робби словно провалился в колодец, в котором не было воды, только холодный свет сверху. Эхо, холодный бетон и стены, окружившие его. Не было мыслей о спасении, а бессмысленность его положения вызывала горькую усмешку. Казалось, время само хотело спасти его – оно летело стрелой, с каждым выдохом приближая к какому-то неясному исходу. «Когда-то это должно закончиться. И эта минута, и этот день, и эта жизнь». В глубине души он боялся смерти. Он смотрел вниз и представлял себя там, с разможенной головой, в луже застывшей, липкой крови, с пустыми глазами... Робби представлял это, параллельно оглядываясь на свое прошлое, видел в нем до боли родные лица и смех, улыбки и встречи, радость... радость и любовь. Но, посмотрев на город, он увидел лишь туман – серый и густой, больше похожий на распыленный яд, чем на приятную неопределенность. Он уперся в глухую стену, не сулящую ничего. Он ничего не слышал и не чувствовал. Только звон стучащихся друг о друга мыслей в своей голове. Мыслей тревожных и едких, со скоростью света сметающих друг друга. «Мой собственный разум начал войну против меня». И с каждой секундой он терпел все больше потерь, все больше сил безвозвратно покидало его.

Сначала он услышал скрип двери, потом хруст пыли. Робби медленно повернулся и увидел Алису. Глаза ее были наполнены ужасом, справиться с которым было ей не под силу. На несколько секунд он забыл о себе, и все его мысли устремились к ней. Бледная, худая и... напуганная. Ему стало страшно. Без объяснений. Робби понимал, что в эту самую минуту он разбивает ей сердце. Он оказался на краю пропасти, в той самой точке, после которой прямая больше никогда не будет прямой. Он попал в то место на карте координат, где происходит преломление, искажение всего, что проходит сквозь нее. Впервые в жизни он почувствовал

безвыходность, которая его испугала. Останься в живых – и она никогда не забудет этого предательства. «Страх будет пожирать ее по ночам. Она будет просыпаться в холодном поту и проверять, сплю ли я». Все это крутилось в его голове, пока он смотрел на нее. Из его глаз градом сыпались горячие, как кровь, слезы. Робби боялся смерти, боялся черной мглы и вечной тишины, но остаться в хаосе собственных мыслей было еще страшней. Он знал, как бессмысленно то, что он собирается сделать. Но другого выхода не видел. Он должен был спасти себя.

– Робби... – в ее сдавленном голосе смешались потрясение, злость, мольба. – Что ты делаешь?

Она с трудом сдерживала слезы. До Робби ее слова доносились криками, разрывающими барабанные перепонки. Он чувствовал, как в груди набирает силу старая ярость, сворачиваясь клубком, как кобра, готовящаяся к удару. Его снова накрыла волна эмоций, но голос Алисы, как арктический холод, возвращал его в реальность.

– Робби, ты ведь этого не хочешь.

Он весь напрягся, казалось, его тело ему не принадлежит; жуткая картина – его плечи неестественно изогнулись, пальцы окостенели и выглядели так, будто их переломали; глаза полуприкрыты, зрачки расширились, как у зверя, нижняя челюсть отвисла, а в голосе небрежными рывками послышался грубый сарказм.

– Откуда ты знаешь? – прошипел он, но понял, что сдержаться сил не хватит. – Откуда всем вам известно, чего я хочу?! Ты что, переспала с богом, чтобы узнать, кто я?! С чего вы решили, что знаете меня?! – Он кричал. Улыбка боли порезала его лицо. Но с каждой секундой уголки опускались все ниже – их сбивал град слез, льющихся по щекам. Алиса в ужасе вся застыла как статуя, дрожащими губами выдавливая слова.

– Роб, ты же сам мне говорил, что это бессмыслица. Робби...

– Это он мне велел! – проорал он. Задыхаясь от слез, Робби перешел на шепот. – Это он мне велел... это он, он!!! – Робби тыкал пальцем в пространство. – Я не хочу, не хочу, но я марионетка в его руках. Без него я не... – Робби судорожно замахал головой и сделал шаг к краю крыши.

– Робби! Робби... кто?

– Черный силуэт! – было слышно, как внутри у него все рвется. Его трясло как в лихорадке.

– Я не понимаю, о чем ты. – Ее щеки заблестели на выглянувшем солнце. Она, преисполненная детского мужества и отчаяния, сделала осторожный шаг вперед, который стал последним и самым сильным ударом. Робби почувствовал, как внутри него все сжалось, закипело, и он заорал с обезумевшим от боли лицом:

– Стой на месте! Не смей ко мне приближаться! Я приказываю тебе не нарушать мои границы! – Тут же из горла захотел вырваться смех, крик, мольба о помощи – как будто сейчас выползали наружу все узники, которых он прятал. Они перебивали друг друга, дрались за господство, плакали, смеялись, крушили все вокруг. Робби боялся сам себя – растерянность, бессилие, ужас. Он закрыл лицо руками «Я схожу с ума... господи... я хочу умереть, я хочу, да, только бы это закончилось». Неожиданно для себя он заговорил шепотом: – Это она... она виновата. Она всю мою жизнь вторгалась ко мне, она думала, что ей все можно, что я ее собственность. – Он поднял голову к небу; Алиса увидела, как все вены на его шее набухли, посинели. – Иди ты к черту! Я ненавижу тебя! Ненавижу!!! Я не часть тебя! – После недолгого затишья Робби вдруг услышал свой смех, и им обоим стало жутко. На мгновение к Робби вернулась ясность. «Кто все это говорит?» Но бушующая война в голове снова поглотила его.

– С чего вы все взяли, что я рад вам? Что я вас впускаю?! Только потому, что один раз мы мило поболтали?! Идите к черту вы все, я ненавижу вас! Вы, невежественные, тупые ублюдки, понятия не имеете, как тяжело мне жить с ним, как много он требует от меня! Да он из меня жизнь высасывает! Я с ума схожу, разве ты не видишь? Не видишь... и никто не

видит. Я постоянно говорю, говорю, а вы не слышите меня... Я устал от этого непонимания и уzkолобия. Я в случайной фразе раскрываю тебе душу, а вы? Вы просто мило улыбаетесь или машете рукой, мол, что за глупости, малыш? Опускаете меня на эту грязную землю, а говорите, что любите! Да знаешь ли ты, как долго я мечтал об этом полете?! Как долго я зашивал крылья своим ангелам? Они пострадали из-за вас, вы им крылья испоганили своей рациональностью! Своими чертовыми разумными доводами и критикой! Я такой, какой есть. Я все через себя пропускаю, все! У меня словно кожи нет, а вы сыпете на меня свои слезы. Мне больно, и я... Я болью жил. И с болью. Я... просто устал.

– Робби, – Алиса дрожащими руками держалась за голову, в полной растерянности. – О ком ты говоришь, Робби?

Он не ответил. Его губы еще дрожали. Он с трудом перевел дыхание и убрал слезы. Потом кинул взгляд куда-то вдаль и отметил красоту соседних зданий.

– Знаешь, я просто думал, – заговорил он не своим голосом; проклятая улыбка смерти снова на его лице, – Я думал, может, вы наконец услышите меня, если я руки себе изрежу? Или вот так с крыши сигану, а? Я любви вашей жду, я в ней нуждаюсь... оттого все это безумство, – и снова шепот, – но теперь я выхода не вижу. Я сейчас пробью себе голову и больше не увижу твоих глаз. А если останусь, то до конца дней буду видеть в них себя, полного кретина, на крыше, с перекошенным лицом. Я не хочу этого... – потом он снова переменился; тело поддавалось усталости, лицо побледнело, под глазами выступили синяки. – Что мне делать, Алиса?

Она стояла как пораженная. Вид у нее был такой, будто она впервые видит его, а сам Робби только что выражался на чужом для нее языке. «Она как труп бледная. Как я, если бы ее не было рядом, я бы давно уже...»

По ее щекам текли слезы. Вот так просто. Они текли как реки, как ручьи по улицам во время дождя. Она ждала. Непонятно чего ждала, она застыла в ожидании и в страхе сделать неверный шаг. Робби тронуло это, ведь впервые в жизни он *прочувствовал*, что ей не все равно, что она боится за него. В эту минуту он ей поверил. Робби на мгновение увидел их со стороны, двух детей на крыше, сражающихся с неким врагом, с тем, которого люди не могут победить уже тысячи лет; они бились с тем самым призраком, который губил людей, заставлял их отказываться от себя, заставлял их смиряться с худшим; с покровителем самоубийц, смертников, маньяков и предателей. Робби знал, что именно сейчас он сражается с той самой сущностью, с тем голосом из темноты, что живет в нем, и битву эту он проигрывает. И вдруг он снова вернулся в свое тело, как по сигналу. В эту секунду Алиса сделала шаг назад, и острая боль пронзила его сердце. Колени дали сбой, по телу поползла кривая судорога.

«Что я натворил!» Сознание вернулось к нему окончательно. От боли, прострелившей его грудь, Робби согнулся, и его начало трясти так сильно, что стоять он больше не мог. Алиса смотрела на все это, видела каждую мышцу, которая сейчас боролась со смертью. Она видела, как кто-то словно забирает у нее брата. Но вдруг все вокруг затихло.словно с неба опустилась ширма. Они услышали город. Шум машин, крики ворон, человеческие голоса внизу. «Жизнь продолжается», – подумал Робби, и все, что было до этой секунды, показалось страшным сном. «Алиса...» – он потянул к ней руку, но, сделав шаг навстречу, почувствовал смертельную слабость; все вокруг погрузилось в черноту, уменьшившись в размерах; звуки потерялись силу и превратились в эхо. Последнее, что он слышал, – падение тела и ее пронзительный крик.

Познакомимся?

В комнате было тихо и темно. На кухне тикали часы. Пахло старой мебелью и сыростью. Робби открыл глаза и облегченно вздохнул. Он дома. Несколько минут он просто смотрел в потолок. Он потянулся за телефоном, но тут же одернул руку, когда обнаружил, что кроме кровати в его комнате ничего не было. Голые окна, за которыми тоже было тихо и темно. Робби сел и опустил ноги на ледяной пол. Он решил, что где-то открыто окно и хотел было снова плюхнуться в кровать, но когда он обернулся, кровать исчезла. Он оказался в углу комнаты с грязно-зелеными стенами, за единственным окном которой висела глухая чернота. По телу побежали мурашки. Робби медленно повернул голову в сторону двери. И вздрогнул. Она была открыта. Прямо за ней за другой, закрытой дверью он увидел маленький шар света, напоминающий горящую свечу. Это была комната его матери. Робби снова посмотрел на окно. Все так же темно. И очень тихо. Настолько, что начинаешь ждать, будто кто-то сейчас закричит или где-нибудь выбьет лампочку. И свет потухнет. От этой мысли он быстро поднялся, не в силах больше терпеть невыносимый холод. На нем была его детская спальная пижама. Кисти и щиколотки остались без ничего. Температура в комнате стремительно понижалась, а пол давно превратился в кусок льдины. Робби сделал несколько неуверенных шагов к двери, дрожа от холода. Из рта у него вытекал пар. Белая дверь, за которой дергался оранжевый огонек, забрала все его внимание, заставляя идти. Он не мог объяснить, что с ним происходит, но Робби словно тянули за нитку, которой был обвязан его позвоночник, а там, некто за дверью теперь медленно и терпеливо тянул его к себе. Робби вышел из комнаты и погрузился в абсолютный мрак. Только огонек и белые прожилки двери и мутное стекло, которое разжигало очертания света. Робби невольно обернулся. Его комнаты больше не было. Одна черная пустота. Ни стен, ни пола. Белая дверь по-прежнему пускай и висела в пространстве, но она была. Он сделал еще несколько шагов и прежде, чем взяться за ручку произнес: «Господи...»

В эту же секунду дверь резко дернулась и отворилась вовнутрь. Робби услышал, как она разбилась, словно стекло, обо что-то каменное. На мгновение пространство заполнил противный грохот. Но через секунду все затихло. Робби теперь видел на полу перед собой маленький фитилек, установленной в маленькой чашечке, которая тоже висела в пространстве, всего в нескольких сантиметрах от пола. Робби видел только желтое пламя, больше ничего. Весь диапазон его взора был заполнен этим светом.

Кто-то кашлянул. Робби резко поднял глаза и вскрикнул, как от укуса осы. На стульях, поставленных в форме полукруга, сидели люди.

* * *

Дверь исчезла. Назад пути не было. Робби замер, глядя на незнакомцев, которые вызвали в нем бурю самых смешанных чувств. Первого, кого он увидел, был чрезвычайно худой человек с очень маленькой головой, крысиным черепом и в очках. Весь этот натюрморт заканчивала засаленная рубашка в серо-бело-оранжевую клетку, которая висела на хлюпком туловище. Крысеныш сидел, скрестив руки и ноги, и смотрел на Робби исподлобья. Он не двигался. Слева от него через стул сидела маленькая девочка, милая пышка лет четырех. Настоящий ангелочек. Большие печальные глаза, ровная челка на аккуратном личике; в руках она сжимала плюшевого ротвейлера и постоянно отводила взгляд, прижимаясь к спинке стула. Робби заметил, что она старательно избегала чьих-то глаз напротив. Робби повернул голову.

Напротив маленького ангела сидела огромных размеров женщина с виду, напоминающая доярку. В огромном халате в сине-зеленый цветочек, на голове неопрятный пучок. На жирном лбу дрожат капельки пота. Она свирепо смотрела на ангела, скривив рот и нахмутив брови. Она

была настолько огромной, если не сказать гигантской, что жировые складки, которые выступали сквозь закатавшуюся ткань халата, сползли за пределы стула. Короче, она еле умещалась на сиденье. По тяжелому дыханию Робби понял, что она ненавидит ребенка.

На самом крайнем стуле, ближе всего к нему, сидел человек, чье лицо и плечи были наглухо закрыты черным капюшоном. Робби не видел его лица и вообще ничего не видел. Однако жилистые руки, сложенные в смиренном принятии, сообщили ему, что перед ним старик. Он сидел в черной мантии, которая скрывала все, даже дыхание. Остальные стулья пустовали.

Все это время Робби краем глаза чувствовал на себе взгляд, исходящий от крысеныша. Он перевел взгляд на него. Тот не изменил позы и все так же в упор наблюдал за ним. Робби не был разборчив в психологии, но даже он понимал, что этот взгляд выражал открытое презрение, граничащее с желанием накинуться на него с осколком битого стекла. Маленькое сморщенное лицо этого жуткого парня казалось еще более жутким из-за жидких волос, которые с трудом прикрывали лысину. Они нависали тоненькими струнками над блестящей кожей черепа как ребра. Но только односторонние. Односторонние ребра.

Эти четверо словно не замечали его, однако Робби был уверен, что они прекрасно знали, что он здесь.

– Кто вы? – произнес он. Робби не смутило отсутствие эха. Все происходящее казалось ему нормальным.

Но ему никто не ответил.

– Что вы здесь делаете? Это мой дом.

Никто не отвечал. Даже не шелохнулся.

– Это мой дом, – сказал Робби громче, как будто он действительно был хозяином. – Уходите.

И тут он услышал голос крысеныша, такой же мерзкий, как и его лицо.

– Это уже не имеет значения. – Он говорил это, не сводя глаз с Робби.

– В смысле уже?

– Ты ничего не значишь.

– О чем вы говорите?

– Уходи ты.

Все остальные молчали. Судя по всему, худощавый был у них за главного. Он продолжал однотонным, зомбированным голосом робота:

– Все это ничего не значит. Ты ничего не значишь. Это не имеет смысла.

– Я не понимаю. Что «это»? Вы...

– Это бесполезно. Ты бесполезный. Все, что ты делаешь, бесполезно. Ты идиот, ты ведешь себя как убогий идиот, ты ничтожество. Ничтожество.

Ангелочек заплакала, и крысеныш замолчал. Тут с места вскочила огромная толстуха и начала орать на нее басом:

– А ну замолчи! Перестань плакать! Перестань! Перестань, или я тебя высеку! Что, тебе мало, тебе мало?! Маленькая уродка, хватит реветь! Нельзя плакать, не плачь! – Она махала руками, как будто отгоняла мух. Но с места не двигалась.

Старец сидел неподвижно. В нем ничего не изменилось, только руки исчезли. Все происходящее напоминало плохую сцену, где каждый из актеров забыл, что он играет роль. Робби почувствовал, как силы снова его покидают. Образы и звуки смешались. Темнота медленно разъедала очертания света. Но перед тем как отключиться, Робби успел заметить – все остальные стулья были заняты.

Утром

Резкий запах спирта и табачного дыма заставил его мозг очнуться. Первое, что Робби увидел, – хмурое, чересчур сосредоточенное лицо Алисы. Пока он приходил в себя, она обрабатывала ему руку. Судя по всему, она сидела над ним уже долго. Робби сначала не понял, где находится. Просторно, светло и тихо; мягкий диван, кухня, соединенная с гостиной, странная люстра. Снова ощущение незаконченного сна. Он все еще видел крысиное лицо.

– Кать, дай еще вату. – Тут появилась Катя, и Робби все понял. Постепенно к нему начала возвращаться память. Он вспомнил, как пришел к Теме, как выпил первый стакан разбавленного виски, потом танцы с Верой. Потом пусто. Алиса выглядела очень плохо. «Она либо не спала, либо случилось что-то ужасное» Вдруг он вскрикнул от боли и понял, что все это время у него ныла рука. Но когда он перевел взгляд на свою ладонь, стадию недоумения сменила стадия ощущения своей беспомощности перед закрытым чуланом памяти, скрывающим что-то очень страшное. Ладонь была в буквальном смысле искромсана до самой мышцы. Множество порезов разной глубины мешали оценить общее состояние тканей. Он почувствовал, как у него свело колени. Робби с детства не переносил вид крови и все, что с ней связано. Он хотел было закричать, но когда он снова посмотрел на Алису, отвращение сменилось страхом – жутким и цепенящим. Измотанная, заплаканная, бледная. Катя стояла рядом, подавленная и напуганная; глаза в пол. Робби все хотел что-то сказать, как-то начать разговор, но вместо этого выдавил лишь:

– Сколько времени?

Никто не ответил. Терпеть молчание сейчас было невыносимо. Каждое мгновение этого молчания утяжеляло воздух.

– 12:37. – Он невольно распрямылся. Это был Тема. Все это время он одиноко курил на кухне в вытяжку.

– Ты что тут делаешь?

Тема медленно поднял на него взгляд. Казалось, он еле сдерживается, чтобы не подойти и не избить его. Робби понял, что этот вопрос задавать не стоило.

– Что с вами? Что случилось?

Алиса опустила глаза и тихо ответила:

– Робби, ты порезал себе руку и потом на крышу поднялся, и... Я, мы...

– Идиот, зачем ты полез туда?! Ты совсем конченный?! – Робби не мог поверить: Тема был в ярости. Он подошел к нему, весь взъершеный и побагровевший. – Из-за тебя мы все чуть с ума не сошли! Скажи спасибо Кате, она пустила нас, иначе кто-нибудь бы точно проболтался. Ты вообще представляешь, что сделают твои родители, если узнают? А мои? Да похер на родителей, если в школе узнают, тебя ведь в дурку заберут! – Сигарета в его руке потухла. Робби, ошарашенный, смотрел то на Алису, то на Тему.

– Ребят, я... ничего не помню, – сказал он виновато. – Сто это? – Он поднял дрожащую руку.

– Ничего, ничего, ты просто порезался... Кто-то разбил бутылку, и ты... – Алиса начала его успокаивать; ее глаза блестели.

– Ты руки себе начал резать, придурок. – Тема кинул осуждающий взгляд на его ладонь; он ходил по комнате, как медведь – высокий, грузный, взбешенный. Робби не мог поверить, что он видит это. Катя стояла молча, не поднимая глаз. – Ты что, не знал, что у тебя болевой порок подрывается до небес, когда ты пьешь? У меня вся ванная в твоей крови. Клининговая служба уже четыре часа квартиру вылизывает.

Робби смотрел в пол, силясь вспомнить хотя бы что-то. Бесплезно. Голова трещала и хотелось пить.

– Слушай, Робби, я, конечно, понимаю, что тебе сложно сейчас, творческий кризис, но твою мать, когда ты уже наконец в себя придешь?! Эта твоя глубокая натура меня просто заебала! Хватит в облаках витать, творец чертов. – Тема говорил, засунув руки в карманы. Слова вылетали, как камни. Почерневшие глаза за полуприкрытыми веками и перекошенный рот – вся боль и ненависть сосредоточились в них. Он пошел на кухню. После нескольких тяжелых шагов послышалось нервное шелканье зажигалки.

Алиса смотрела на Робби. Робби бегал глазами по полу, своим рукам, силясь вспомнить хотя бы что-то.

– Робби, не надо, пожалуйста... – в шепоте сестры послышалась мольба. – Главное, что сейчас все хорошо, все хорошо, пожалуйста, не надо. – Она прислонилась к плечу брата, и он почувствовал, что она вся дрожит. Робби прижался к ней, впервые почувствовав себя старшим братом, искренне жалея, что не придавал раньше значения этому чувству. Оно редко выползло на поверхность, к свету, как крот, и совершенно не привыкло себя обнаруживать. Робби боялся понимать, что происходит. Он почувствовал тепло ее слез на своей коже. Алиса обняла его за плечо и выдохнула. Тема, увидев это, напрягся, выбросил сигарету в раковину и подошел поближе.

– Робби... я... так испугалась. Я так испугалась, что ты умрешь... – она с трудом выговаривала слова. – Пожалуйста, скажи, что ты не будешь больше так... пожалуйста, скажи, пообещай мне...

– Алиса... – Он взял сестру за руку. – Господи, не плачь, ты... что с тобой? Пожалуйста, не надо, все нормально, перестань...

Тема затрясло, как в лихорадке:

– Лучше заткнись сейчас. Ты не имеешь права говорить ей это. Клянусь тебе, не будь здесь...

– Тема, пожалуйста. – Алиса резко повернулась к Теме всем телом, и Робби заметил, как у друга сразу изменилось лицо: черты смягчились, ненависть исчезла. Он долго смотрел на нее, будто бы прося помощи. Робби видел нечеловеческую борьбу на его лице и не мог поверить, что это происходит взаправду.

– Знал бы ты, как я ненавижу тебя сейчас, Робби, – Тема говорил это, глядя на Алису. – Видимо, только ее присутствие удерживало его на месте. – Я не могу больше быть здесь. Я пошел. Если позвонишь мне или напишешь, я тебе лицо разобью. Клянусь.

Робби поверил. И испугался, как бы тот не услышал удары его сердца – так сильно оно стучало по костям. Он чувствовал, как кровь пульсирует в ране; ладони вспотели.

Дверь захлопнулась, и ребята еще долго сидели в тишине. Робби, окруженный кровавыми ошметками ваты, Алиса, разбитая и неподвижная, и Катя, все время смотрящая куда-то в пол.

– Робби, что нам делать? Мама звонила мне вчера вечером раз 20. Почему ты не сказал, что она тебя не отпустила? Я сказала, что заеду за тобой и мы вернемся домой вместе. Она звонила... ты спал... Потом моей подруге стало плохо, я совсем забыла про тебя, и про маму, возилась с ней... я позвонила маме, уговорила разрешить нам остаться у Кати... я очень боюсь, что она могла позвонить родителям Темы... и ему достанется, и нам. Робби, зачем мы вообще затеяли все это. – Она закрыла лицо руками. – А если мама узнает, что я не была у Дины? А у меня завтра концерт. Господи, она все поймет сразу, как только увидит нас. Слышишь? Робби... если она увидит твою руку... Робби, я боюсь, боюсь ее...

– Ничего, ничего, все будет хорошо. У меня с собой перчатки. А дома придумаю что-нибудь. – Робби осматривал руку. Он старался не думать о том, как это было. Больше всего его сейчас заботил Тема.

– Алис, скажи мне, что с ним? Я никогда не видел его таким.

Она ответила не сразу. По ее лицу нельзя было сказать, что она чувствует.

– Не знаю. Когда он нас нашел на крыше.

– На крыше? Что мы делали на крыше?

– Он испугался. Начал звонить друзьям, Кате, потом побежал в квартиру, выгнал всех. Робби, он... – она подняла на брата глаза, явно борясь с желанием осудить его. – Он испугался за тебя. Очень сильно. Ты лежал там, на холодном бетоне, в крови, без сознания... это он донес тебя до такси. Мы здесь уже несколько часов...

Робби не ответил. К горлу подступил комок. Он закрыл глаза, чтобы спрятать вину и стыд, пожирающих его. Головная боль усилилась. Чтобы не раскиснуть окончательно, он попытался встать. Неуклюже опираясь на здоровую руку, Робби поднялся с дивана. Голова кружилась и горела.

– Можно мне воды?

Тут Катя ожила.

– Да, да, конечно, сейчас, минутку...

Она побежала на кухню и почти сразу же вернулась с огромной кружкой. Пока Робби пил, она не сводила с него глаз.

– Кто-нибудь еще знает? – спросил он.

– Несколько человек видели, что ты поранился, но они пьяные все были, вряд ли вспомнят.

– Я покурю? – Робби смотрел на Катю.

– Да, да, вот там пепельница.

– Спасибо. – Робби смущенно склонил голову. Его напрягал чересчур внимательный взгляд девушки. Пока он пытался зажечь сигарету, Алиса убирала вату и бинты. Робби молча наблюдал за ней. Он не подавал виду, но сам держался из последних сил. Он не мог показать, как сильно он напуган. «Немного потерпи, скоро будем в комнате и все-все обдумаем. Самое сложное – это пройти мимо матери».

– Вы в школу завтра придете? – голос Кати вернул его в комнату. Орфеевы переглянулись.

– Да, конечно. Все нормально.

Робби молча докуривал, пока Алиса собирала свои вещи. Потом взглядом намекнула брату, что им пора уходить.

– Катя, спасибо тебе. Мы поедем, – произнесла она.

– Спасибо. – Робби виновато посмотрел на девушку; он отметил, что она была старше его, причем года на два или три. Высокая, худая, грациозная. «А выглядит как ребенок». Больше он о ней не думал.

– Пока, ребята.

– Пока.

Пошли домой

Дети ехали домой молча. Катя жила недалеко от них, поэтому дорога заняла от силы минут 20. Но им пришлось еще пару часов бродить по дворам, чтобы окончательно протрезветь и выбить из себя последние следы всех запахов. Робби несколько раз пытался начать разговор, но все попытки были высмеяны уже знакомыми ранее голосами. Алиса тоже молчала. «Обиделась... это надолго», – думал Робби. Перед тем как зайти в парадную, она повернулась к нему и тихо сказала:

– Так, Робби. – Она положила руки ему на плечи. Он почувствовал, что она буквально держалась за него, чтобы не упасть. – Если мы сейчас зайдем домой с такими лицами, нас сразу раскроют. Они уже позавтракали, поэтому отец, скорее всего, в кабинете, мама молится. Господи, мне кажется, я сейчас умру от страха. – Она склонила голову и закрыла глаза.

– Алиса, я сам все скажу. Я во всем виноват. Но, может, ничего и не вскроется. Если только мать не заезжала к бабушке утром... Иди за мной, – выдохнув, произнес Робби, а сам подумал: «Я боюсь еще сильнее, чем ты».

Чем ближе они подходили к двери, тем тише и неуверенней становились их маленькие шаги. В нос били запахи сырой грязи, плесени и ржавого железа. Запахи их детства. Да, не так романтично, как в романах и фильмах. Робби с трудом мог сосредоточиться хотя бы на одной мысли из-за кошмарной головной боли. Он взял Алису за руку. «Все будет хорошо».

Они остановились перед дверью и переглянулись.

– Робби... ну ведь это наши родители. Почему мы так боимся? – она говорила шепотом.

– Не знаю...

В эту секунду они услышали резкие повороты ключа в замке. Дверь открылась изнутри. Перед ними стояла мать. Алиса сжала брату руку.

– Доброе утро, мама, – сказали они в один голос.

Она молча отошла в сторону, пропуская их вперед. Опустив головы, дети переступили порог. Дверь закрылась.

– На кухню. Быстро.

Они послушно разделись и поплелись на кухню. Но, не дойдя до середины коридора, Робби оцепенел. Он увидел знакомую тень на стене. Рука снова начала ныть. Он сунул ее в карман и сделал еще несколько шагов. Он не успел ничего подумать. Картина, развернувшаяся перед ним, не позволяла этого. Все тело изнутри как будто превратилось в клубок непослушного электричества – руки, ноги, плечи, голова рассоединились, потеряли связь. Робби растерялся в прямом смысле слова. За столом сидели Тема, его мама – тетя Женя, – единственный взрослый в комнате, от которого можно было ждать пощады; и отец Робби – Мирон. Когда Робби вошел, отец поднял на него уставшие глаза, но ничего не сказал. Его вялое, впалое лицо почему-то успокаивало. Наверное, потому что не представляло опасности.

– Садитесь. Оба, – сказала мать.

Дети послушно сели. Тема теперь выглядел как обычно. Расслабленные плечи, безразличный взгляд. Его лицо снова ничего не выражало. Ни боли, ни страха, ни стыда. Робби старался не смотреть на него. Тетя Женя выглядела встревоженной. Алиса сидела с опущенной головой, готовая ко всему. Говорила мать:

– Думаю, вы все трое понимаете, что врать нет смысла. За каждое лживое слово вы будете наказаны. Не только мной, но и Богом. Алиса, – та вздрогнула, – где ты была сегодня ночью?

– Я... Мы с Робби были вместе... Мы были у Кати, как я и сказала. Мамочка, мы ничего не...мы просто...

– Не надо оправдывать брата, Алиса. Он сам ответит за себя. Роберт, – он поднял на мать пустые глаза. – Я не разрешила тебе идти на день рождения. Ты послушался меня, подговорил сестру, устроил погром в чужом доме, подверг опасности себя и нашу семью.

– Да. – Все посмотрели на Робби. Он смотрел на мать. Она казалась чужой, далекой, пугающей. Робби не мог поверить, что кто-то может любить свою мать по-настоящему. «Почему я ничего не чувствую?» Он обманывал себя. Он ненавидел ее. Ненавидел всем сердцем, так сильно, как только может ненавидеть ребенок. За то, что она унижает его сейчас, за то, что гасит в нем любой намек на свободу. Он хотел прямо сейчас взбунтоваться, разорвать ее идиллию, мерзкую тишину, уничтожить порядок, эту ее набожную чистоту, отталкивающую своей безупречностью. Он ненавидел ее кротость, ее смирение перед воображаемым другом «Отвратительно... ненавижу, ненавижу!!!»

– Что ты делал на крыше? – Робби осел. Он знал, что ответить придется не ему; что сейчас вскроется все. И алкоголь, и рука, и крыша...

– Я... я не помню.

– Как это ты не... – мать прервалась. – Ты пил.

– Да.

– Алиса? – Она повысила голос, и он звучал ужасно.

Алиса молчала. Робби смотрел на Тему. Тот не шевелился, смотрел на вперед, не замечая ничего и никого.

– Алиса, отвечай, ты пила или нет?!

– Да не пила она, это я, я во всем виноват, отстань от нее! – Робби подскочил на ноги. – Если хочешь поиздеваться, то делай это со мной! Ее не трогай! Ни при чем она... – Алиса расплакалась.

– Мапочка, можно я пойду. Мам...

– Иди. Я поговорю с тобой позже. Евгения, я...

– Может, ты все-таки соберешься смелости рассказать, как чуть не прыгнул с крыши? – Тема смотрел на Робби, безупречно точно рассчитав силу удара.

С лицом матери сделалось плохо – то ли от неумелой попытки скрыть возмущение, то ли от безумного страха грядущего наказания. Мирон выпрямился. Тетя Женя в ужасе уставилась на Робби. Тот сел на место.

– Что ты сделал? – выдавила мать.

Тема издал презрительный смешок.

– А он вам не скажет.

– Заткнись. – Робби был готов кинуться на него через стол. Правая рука снова начала ныть. – Если ты еще одно слово скажешь...

– Что ты сделаешь? Ударишь меня?

Робби подскочил и, забыв про боль, уперся двумя руками в столешницу и тут же издал стон. Руку пронзила острая боль, как будто в нее воткнули жирное шило. Опомившись, он схватился за нее, пытаясь скрыть рану. Тема даже не дернулся.

В этот же момент мать кинулась к нему и резким движением дернула его за руку. На грязных бинтах выступила свежая кровь. Она дрожащим голосом приказала:

– Развязывай. – Робби не двигался. – Я сказала, развязывай бинты!

Робби понял, что нет смысла больше уворачиваться. Он сдался. Ледяными пальцами он разорвал хилую повязку, оголив посиневшую ладонь. Мать ахнула и тут же отвернулась.

– Царица небесная, господи... – она долго молчала. Напряженное молчание, казалось, смущало только тетю Женю. Все остальные смиренно ждали.

– Ты не представляешь, что ты навлек на всех нас... Ты посмел покуситься на то, что не принадлежит тебе... Мой сын, мой сын в руках дьявола... Господи прости. – Она перекрести-

лась. Потом, не меняя позы, мрачно произнесла: – Евгения Николаевна, я думаю, вам пора. Мы... должны поговорить с сыном.

В обрушившейся на несколько секунд тишине Робби услышал плач Алисы за стеной. Он тоже слышит, думал Робби. Заметив на себе взгляд друга, Тема охотно поднялся и быстро ушел, ничего не сказав. Тетя Женя с каменным лицом удалилась за сыном, побоявшись что-либо добавлять. Робби стоял под люстрой, свет которой бросал на его лицо резкие тени. Когда дверь захлопнулась, мать села, подперев рукой голову. На долгое время все трое замолчали. Отец смотрел в пустоту, Робби сидел с прямой спиной, обездвиженный болью предательства и обидой. Ему казалось, что никакое наказание не способно теперь напугать его. Через несколько минут мать выпрямилась. Снова ледяная, снова безупречная.

– Ты будешь наказан. И наказан строго. Я схожу к классному руководителю, возьму задания на два месяца вперед. Будешь под домашним арестом. Даже не пытайся возмущаться. Ты не имеешь на это право.

Робби слушал ее, тупо глядя перед собой. Отец сидел рядом с таким же лицом. Разница была в том, что Робби был парализован избытком чувств, в то время как отец опустил ниже мысли. Мать поднялась и, глядя на Робби, сухо произнесла:

– Разговор окончен.

– Да, мама.

Все разошлись по своим комнатам. Никто не выходил до самого утра. Тишина победила каждого.

* * *

Робби закрыли дома на два дня, пока мать хлопотала над справками в школу. Она работала медсестрой лет 15, и все в семье знали, что она ненавидит свою работу. А Робби ненавидел ее.

Через два дня дверь его комнаты отворилась снаружи, и вот оно, чудо божьей воли, – перед ним стояла она. Безупречно зачесанная, с высоко поднятой головой.

– Роберт. – Она осталась стоять возле двери, скрестив руки в замок. – Не спишь? Отлично. Что ж, собирайся. Поедешь к моей сестре. Мы с твоим отцом долго думали, как быть, и видимо, это единственный вариант. Ты... – она замолчала, сдерживая в голосе дрожь, которая ее раздражала. – Ты натворил проблем из пустоты, и теперь нам придется их решать. Мне звонили из школы. – Робби невольно опустил глаза, сжав одной рукой простынь. – Потребовали объяснений. Это элитная гимназия, мы отдаем все деньги на твою учебу, а ты... завтра, – голос матери стал резче, – ты поедешь, и точка. До Нового года побудешь у нее. У Анны... хорошо, спокойно. В мире нет места лучше для таких невротиков, как ты. Промыслы дьявола...

– В смысле? – испуганным голосом спросил Робби.

Мать медленно подошла к его кровати, вплотную наклонилась к сыну и сказала:

– Узнаешь, каково это, быть одному. Ни одной души вокруг тебя. Будешь сидеть в комнате и готовиться к экзаменам день и ночь. Тут у тебя больше нет друзей. Алиса и в жизнь к тебе больше не приблизится, а этот твой дружок избалованный... Думаешь, он твой друг? – Она говорила тихо и грубо, не скрывая явную неприязнь к сыну. Робби не поднимал лица. Он не вынес бы даже секунды такого близкого контакта. Ее теплое дыхание касалось его щеки, и Робби каждую секунду времени боролся с желанием толкнуть ее до самой двери, лишь бы закончить это.

Она выпрямилась.

– Собирай вещи, завтра утром поедешь. Отец тебя отвезет.

Она была уже почти у двери, когда обернулась и, строго глядя на изувеченное лицо сына, произнесла:

– Я разочарована в тебе, Роберт. Одна только надежда на милосердие Господа. Только он сможет вернуть тебе разум.

Она перекрестилась и ушла. Робби провел остаток дня в кровати.

Странная женщина

Робби держал в руках большую поношенную сумку и смотрел на проезжающие мимо машины. Он стоял возле машины в ожидании отца, который никогда никуда не спешил. Утро выдалось пасмурным и ветреным. В такую погоду единственное, чего хочется, – так это сидеть дома или ехать в какой-нибудь чистенькой электричке и наблюдать за мелькающими картинками. Но жизнь любит лишать людей приятных возможностей насладиться моментом и делает все так, чтобы человеческое существование больше напоминало галерею, чем мерцающее божьим светом естество.

Через несколько минут вышел отец; он открыл машину и прежде, чем сесть за руль, выкурил сигарету. Робби наблюдал за ним с заднего сиденья и с сожалением думал о том, что он навсегда его сын, его дитя. Но Робби не скрывал, что был очень рад тому, что в неведомую глушь его повезет безразличный угрюмый отец, а не мать, вспоминать об образе которой Робби лишней раз не хотелось.

Почти всю дорогу они молчали. Робби слушал музыку, изредка поглядывая на безвольный профиль отца. Он все пытался разобраться, что чувствует к человеку, подарившего ему жизнь. И угрюмо отвел взгляд в окно, когда понял, что это старая добрая обида, закрепленная отращиванием к слабости.

Он проснулся от резкого толчка, уронив голову на грудь. Машина с неистовой резкостью провалилась в колдобинах, прорывая безупречную гладь дождевых луж. Правая рука, все это время подпирающая руку, затекла. Глаза у Робби болели от холодного дневного света. Он снова кинул на отца задумчивый, сонный взгляд в зеркало дальнего вида и внезапно почувствовал острую тоску по городу и Алисе. Он понял, что они уже далеко уехали. И совсем скоро его отец вернется обратно, а он – Робби-неудачник – останется в этих местах. За грязным стеклом мелькали полосы голых деревьев, серое небо, покрытое ватой облаков, и одинокие домики на перекатах полосатых полей. Выпуклые линии их круглых боков, казалось, играли друг с другом. А за окном – всхлипы грязи и хруст щебенки.

У него было ощущение, что он все еще спит. Он хотел этого. Хотел, чтобы предыдущие три дня оказались просто неудачным сном, от которого утром портится настроение. Он посмотрел на свою руку и понял, что зря пускает эти мысли. Первые минуты пробуждения после внезапно оборванного сна всегда какие-то странные. Ты вроде проснулся, а вроде все еще чувствуешь вкус происходящего где-то там. Смутные образы медленно оседают в памяти, оставляя едва заметные таящие следы.

Как огромный воздушный шар, сейчас внутри него раздувалось, отесняя последние надежды, самое отвратительное чувство из всех возможных – сожаление. За прошедшие два дня его размеренная и предсказуемая жизнь, дергаясь в последних конвульсиях сладострастной боли, изменилась до неузнаваемости.

Родные места

Робби со злобой глядел на пустые серые долины, костыли-деревья, грязь разбитых дорог и с трудом представлял себе, что выдержит жизнь здесь хотя бы неделю. А надо почти месяц... Он ужаснулся. И пугало его не количество дней, а безжизненность пейзажа. «Тут, наверно, и людей-то нет» Пока его трясло в машине, отец крепко держал руль, глядя прямо перед собой. Что Робби нравилось в нем, – наверное, пока что это единственное его очевидное достоинство, – в салоне его машины всегда царил порядок, но не такой, как в дорогах квартирах, где чихнуть страшно; этот порядок исходил не из желания казаться, а из потребности быть. Чистая панель, начищенные сиденья и маленькая подвесочка на зеркале – металлическая

птичка огненно-рыжего цвета. Робби не думал, что когда-нибудь так подумает, но да – машина была живой.

Вдруг Робби заметил вдалеке маленькую фигуру. Когда она оказалась совсем близко, Робби невольно отпрял от окна. Это был старик в форме с пустыми глазами, видимо, из-за слепоты. Рядом с ним плелся такой же старый пес. Судя по всему, поводырь. Он брел вдоль дороги, скрестив руки за спиной. Когда машина проехала мимо, он проводил ее взглядом и двинулся дальше.

– Он преподавал мне физику в институте, – сказал отец низким голосом; такому голосу доверяешь, если он вдобавок и толковые вещи говорит. «Жаль, мы мало разговариваем, пап, – подумал Робби и поморщился. – Что за...» Отец продолжал:

– Это Николай Петрович. Ты его не бойся, он так каждый день ходит. Утром, после обеда и перед сном.

– Что с ним? – спросил Робби, не отрывая взгляда от окна.

– Контузия после войны. Он добрый старик, но не разговаривает.

– Почему?

Мирон пожал плечами.

– Живет один. И дальше этой деревни не уходит. Поэтому можешь не бояться его.

– А я и так не боюсь, – пробубнил Робби. – А ты откуда про него так много знаешь?

– Я здесь вырос.

Робби перевел взгляд на отца.

– Понятно.

На протяжении нескольких минут пейзаж не менялся. Гладкие горизонты, полосы полей, сероватое небо; на первый взгляд, выглядело довольно уныло, но если представить, что ты какой-нибудь пафосный художник в поисках новых идей или, переживающий творческий кризис, едешь в далекую глушь за вдохновением... вроде мир уже и не кажется таким безнадежным.

Постепенно перекаты полей сменились густотой пушистых сосен, между которыми мелькали очертания старомодной каменной ограды. Постепенно сосны сменились пихтами и туями, и наконец машина остановилась. Мотор заглох, и как только Робби открыл дверь, тут же провалился в едва различимое перекликанье незнакомых ему звуков. Пение птиц или шуршание хвои, лай собак, гудение пилы или звук топора – жизнь, словом, кипела. Выйдя из машины, Робби не сразу увидел дом, его вниманием завладели звуки. Но, услышав скрежет заслонки за спиной, Робби на мгновение вздрогнул, подумав: «Господи, если там калитка, это уже очень-очень плохо. Там что-то или очень старое, или просто жутко... старое». Он повернулся и ахнул.

Похожий на крепость, покрытый сочной, пожалуй, слишком яркой для ноября плетью девичьего винограда, как будто красно-желтыми венами, дом, ростом в два с половиной этажа, скромно расположился в недрах густого, судя по всему, очень взрослого сада. Робби сначала показалось, что здание буквально выбито из камня – так монументально оно смотрелось. Спроектировано он было очень просто, так же старомодно, как ограда – правильные линии прямоугольника, взлетающие вверх, но не надменно, а как раз наоборот – дом будто бы стеснялся своих грубых, тяжеловесных форм, и потому все его грани и черты были более чем сдержаны. Создатель явно не был изощренным и заискивающим человеком и строил дом, чтобы тот стал крепостью для его жильцов. Ну что ж, у него получилось.

– Нюта! – позвал отец. – Снова по твоему винограду крысы бегают.

За дверью послышались маленькие шаги; она тут же распахнулась, и на крыльцо выскочила маленькая пухлая женщина в розовом комбинезоне с кухонной лопаткой в руках. Она заверещала высоким, звонким голосом:

– Ах, Мирон! Это ты. Я никогда не привыкну к твоим шуткам. – Женщина плавно спустилась со ступенек и протянула Мирону руку. – Сколько лет прошло, а ты все тот же, – сказала женщина улыбаясь.

– Совсем не изменился? – сдержанно, даже немного виновато спросил Мирон.

Женщина не ответила, а только улыбнулась, но, переведя взгляд на Робби, ее лицо изменилось.

– Роберт? Роберт, ты ли это? – Ее удивление было искренним. Робби даже немного растерялся. Он вежливо ответил:

– Здравствуйте.

– Ну что ты там встал, подойди поближе. Она не кусается, – сказал Мирон сыну.

Робби меньше всего ожидал увидеть то, что увидел. Он ожидал увидеть ветхий покосившийся домик с белыми ставнями, деревянными каркасами, верандами и теплицами. А тут... Просто замок феодала, думал Робби, нет, это точно другая реальность. Еще эта женщина... Он сделал несколько шагов, но к крыльцу не подошел, настороженно всматриваясь в светящееся лицо женщины в розовом комбинезоне. На вид ей было за сорок. Но выглядела она очень бодро. Ну точно бодрее, чем ее сестра.

– Пойдемте в дом. Я сварю кофе, – обратилась она к Мирону.

– Ну это вы уже без меня. Нет, нет, я не могу. Надо возвращаться домой. Дела, сама понимаешь. Главное, я в руки тебе ребенка передал и... – он сделал несколько шагов назад. – До встречи.

– Пока-пока, Мирон.

Робби прекрасно знал, что у отца нет никаких дел уже полгода. Он старался не встречаться с ним взглядом.

– Сын, пошли, заберешь свои вещи, и я поеду.

Тетя Аня тем временем зашла в дом. Робби отметил ее безупречную осанку и бодрый шаг, которые сильно противоречили погоде и краскам его настроения.

– Пап, почему ты назвал ее Ньютой?

– Вот у Ньюты сам и спросишь. Все взял? Хорошо. Ну я поехал. Не чуди тут.

Робби ничего не ответил. Лишь слабо улыбнулся. Его поразила простота, с которой он обратился к сыну. Он проводил машину отца взглядом и, испытывая какое-то детское недоверие и беспокойство, неуверенно зашагал в сторону огромного средневекового замка из камня.

Интерьер с трудом сочетался с внешним видом дома – светлая кухня во французском стиле, теплый свет ламп, много фотографий на стенах в резных рамках, чайный сервиз, расписанный под гжель, резные крючки для одежды, деревянные двери... Робби разделся и прошел в кухню. Его заворожили ручки кухонных шкафов, вылепленные будто из пластилина, с выпуклым узором в виде маленьких цветов. Поверхности самих шкафов уже стерлись, где-то треснул лак; Робби почему-то подумал, что именно так и выглядят кухни счастливых семей – используемые не как предмет искусства или показной роскоши, или склада мусора, или просто средство для удовлетворения потребностей, а как особое место, где можно поговорить по душам или приготовить вкусный, красивый ужин, открыть вино и просто погреться в темный зимний вечер. Место было живым – об этом говорили маленькие царапинки на медных кастрюлях, едва заметный скол на крышке сахарницы, слегка округленный угол деревянного стола, поверхность которого давно перестала блестеть. Робби понял, что этот дом вырастил не одно поколение детей или просто жил насыщенной жизнью.

Робби не думал, что вообще захочет разговаривать по приезде сюда. Но реальность обманула его худшие ожидания. В этот момент тетя Аня обратилась к нему:

– Ну как вы добрались? Что-то мне не нравится твое бледное лицо, малыш. Давай-ка я тебе сделаю чаю сладкого. С чабрецом, м?

– Да нормально вроде...

– Ты голодный? Я пеку сочники. Но у меня борщ есть и второе. Будешь?

Робби кивнул, осматриваясь. Потом через пару секунд, словно вспомнив про вопрос, просто ответил:

– Я обожаю сырники.

– Да-да, я знаю, – улыбнувшись, сказала тетя. – Ну что ж. Обживайся. Наверху есть две свободные комнаты, выбирай любую. Вот там зал, тут ванная, следующая дверь – уборная. Есть библиотека и камин. Ну что я тебе рассказываю. Сам все увидишь. – Она выглядела непри-
нужденной и радостной, хотя некоторая скованность присутствовала. С чем она была связана, Робби пока понять не мог. Он кивнул и, крепче сжав ручки кожаной сумки, побрел к лестнице. Он ожидал неловкость и смущение, а в итоге все получилось как получилось.

Комнаты на втором этаже оказались неожиданно просторными, но темными. В коридоре по всей длине был выстлан ковер. В воздухе пахло высушенными травами и деревом. Робби зашел в первую дверь и сразу понял, что именно здесь он проведет всю ссылку. Темно-зеленые стены и огромная кровать, приставленная к стене, стол и старинная перекошенная лампа, вытянутое окно, выходящее на гладкие просторы полей. Он кинул сумку на кровать и спустился на первый этаж.

Винтаж, хвоя, дневник

– Вот, держи. – Нюта протянула Робби потертые вельветовые брюки и большую коричневую куртку. – И вот еще, носки и свитер. У нас тут очень сырой воздух, к тому же сегодня ветрено.

– Это зачем?

– Как? Ты же не собираешься сидеть дома? Сходи на улицу, осмотришься, пока не стемнело. У нас тут красивые места. А через пару дней сходим в гости к одному моему другу.

Робби послушно взял, стараясь не смотреть ей в глаза. Они как-то странно на него влияли. Как будто насквозь просвечивали. Люди с такими глазами обладали удивительной способностью выворачивать людей наизнанку – им невозможно соврать! Даже если очень хочешь. Это смущает. К тому же Нюта общалась с ним так, будто видела его позавчера. Робби от этого только сильнее напрягся. На каждое ее ласковое слово внутри него что-то с болью раскрывалось и тут же сжималось обратно.

Нюта намеренно не замечала его смущения, тем самым делая его неуместным. Робби проводил ее взглядом, потом начал разглядывать вещи: вельветовые брюки вызывали у него немой восторг: тяжелые, потертые у карманов, прямого кроя и пуговицы со знакомым узором. «Винтаж...» – прошептал Робби, он не мог поверить, что такую вещь списали как устаревшую и ненужную, и поэтому теперь в ней можно возиться в грязи. Он посмотрел бирку и ахнул – это были Trussardi. Робби переодевался в туалете – просторной светлой комнате, где пахло апельсиновым мылом и чистотой. Брюки оказались великоваты, впрочем, как и куртка, а вот серый, очень колючий свитер сел прекрасно.

Через пару минут Робби стоял на каменных ступенях, разглядывая свои огромные башмаки. Потом поднял глаза и увидел уставшую осеннюю природу. Он резко почувствовал укол тоски – все вокруг казалось чужим, холодным, скучным. Посеревшие кустарники, откормленные как куропатки, туи, чугунный столик, явно летний, подвесные фонарики – это был новый мир, который должен стать ему домом на ближайшее время, если он не хочет сойти с ума и еще раз залезть на крышу. Робби направился в сад. Не было ни тропинок, ни дорожек. Только старые деревья, опавшие яблоки и темно-зеленый ковер из потухшего клевера и сморщенных травинок. Робби плохо разбирался в растениях, но знал, как выглядят облепиха и хосты. Пару раз он был в гостях у маминых друзей, живущих в одном из самых богатых коттеджных поселков в Питере. Там все было очень предсказуемо: розы рядом с розами, стриженные газоны, фигурные клумбы, искусственные прудики и беседки. Ему там не нравилось. Потому что создавалось впечатление фальши, навязчивой иллюзии настоящего. Робби мысленно смеялся над этими жалкими попытками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.